ТРИ ЖИЗНИ ОДНОГО БОГА

АНТОН ВОЛОХОВ

16+

Антон Волохов

Три жизни одного Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51185024
SelfPub; 2023

Аннотация

Боги создают планеты и проходят экзаменационные испытания перед комиссией. Задача комиссии – доказать Богу, что его планета не пригодна для жизни. Задача Бога, находящегося среди людей и проживающего обычную человеческую жизнь, доказать обратное. Но что если Бог не будет знать о своём настоящем происхождении, в отличие от собственного окружения? Что если вся его человеческая жизнь, полная интриг, любви и испытаний, всего лишь чья-то жестокая игра?

Содержание

Предусловие. 5
«Творческий проект» 5
Глава первая. 12
Часть первая. 12
Часть вторая. 25
Часть третья. 33
Часть четвертая. 42
Часть пятая. 48
Часть шестая. 56
Часть седьмая. 67
Глава вторая. 78
Предусловие. 78
Часть первая. 83
Часть вторая. 92
Глава третья. 121
Предусловие. 121
Часть первая. 124
Часть вторая. 145
Часть третья. 156
Часть четвертая. 180
Послесловие. 186

Антон Волохов
Три жизни одного Бога

То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху.

Изумрудная скрижаль мироустройства

Предусловие.

«Творческий проект»

Вы когда-нибудь несли в собственных руках всю вашу жизнь?

А вот мне приходилось.

Целая коробка человеческих жизней. Уронишь такую и поломаешь миллиарды судеб в отдельно взятом мире. Рухнет цивилизация, сойдут материки, разольются реки и озера, моря и океаны, поднимутся гигантские цунами и все что когда-то было наполнено смыслом – исчезнет под огромной волной стихии.

А ты всего лишь споткнулся и потираешь ушибленную коленочку.

Правда потом придётся мир переделывать. И тестовый экзамен будет провален. Так что, лучше не спотыкаться. Не из-за вашей ипотеки, бизнеса или вожделенной страсти по соседке Светке, а из-за лишней потери времени и сил в нашем пространстве.

Кто ещё не понял: мы создаём вас. Людей. И все, что вокруг вас. И ваших котиков, с собачками и прочими животными. Деревья, тучки, ветерок, звездочки на небосводе, мягкие места вашей подружки – всё тоже наше искусное произведе-

ние. Ну, или ошибка божественного скульптора – так бывает.

То, что для вас непостижимо и всеобъемлимо, для нас конструктор лего. Ну, или чуть посложней. Так что можете купить себе пару наборчиков и поиграть в Богов в вашем микромире.

А в нашем макромире, мы сдаем тесты. Своего рода экзамен. Сначала тебя обучают премудростям строения цивилизаций, а потом ты берешь Адама, его ребро и понеслась веселая, счастливая и незатейливая – создание шарика планеты и кого-нибудь на нём.

Двоичники лепят динозавриков, кто поумнее, строгает себе кучку более развитых существ и пытается все обустроить так, чтобы они не сожрали друг друга в первый же день. Там еще нужно выбрать историческую эпоху, опять же по мере сложности, от которой зависит, будут ли твои подопечные бегать друг за другом с дубиной и фиговым листиком на причинном месте или с лазерным бластером в космическом скафандре. Ну и соответственно, уровень тупости тоже меняется, так как пока одни мирно пожирают друг друга и здесь нужно только следить за тем, чтобы предел рождаемости немного превышал предел поедаемости, то другие уже вовсю запускают андронный коллайдер, с целью массового бегства с твоей никчемной планетки, куда-нибудь в межгалактические просторы вселенной.

Кто сдал – уходит в тайную комнату, что там происходит, никто не знает, но оттуда никто не возвращается. Туда его

уводит председатель комиссии. Такой мужичок с седой бородой и посохом, по-вашему. Шучу. Мы тут все выглядим практически одинаково. Вернее, мы вообще никак не выглядим. Выглядите только вы, а нам соревноваться антропометрическими пропорциями и размерами не приходится. Ну, скажем так, у нас есть отличительные особенности, выраженные в формах и цвете, так что гантелей, качков и блондинок с выпирающимися округлостями тут не водится, увы.

Хотя скучать нам тоже не приходится.

После создания модели микромира, который подлежит тесту, мы тащим его к председателю. Тот недоверчиво на тебя смотрит, пока ты дрожишь всеми душевными фибрами, держа своё детище, на двух вытянутых конечностях и создает приёмную комиссию. Обычно их всего трое, но в процессе может и ещё кто добавится.

Комиссия выдумывает три теста, в ходе которых ты сам, поселяешься в своем производном и переживаешь человеческую жизнь. Или ходишь диплодоком и ждешь, когда тебя сожрет тиранозавр. Или сам жрешь диплодоков тиранозавром и ждешь, пока случайно упадешь в вулкан и сгоришь в гиене огненной.

Сама ирония в том, что в ходе самого теста, ты совсем не Бог. Ты натурально диплодок или Вася Коровкин – слесарь четвертого разряда в прачечной, что на углу.

Комиссия, в свою очередь, в курсе обратного и именно вокруг тебя плетутся всякого рода интриги, испытательные

хитросплетения и судьбоносные происки. И да, комиссия тоже будет бродить по твоему творению, а ещё они будут в курсе, что ты это ты, а они – это они.

И, как правило, они там нехило развлекаются.

В том числе и с тобой.

По-разному.

Могут устроить войну, а тебя назначат главным, например. И ты такой, бросаешь гаечный ключ, что на 12, которым только что унитаз чинил, прыгаешь на коня «Буцефала» и скачешь, развивая плащ супергероя по ветру в замок откровений, собирать войско.

А ещё могут бахнуть землетрясение, потом извержение вулкана и посмотреть, как у тебя волосы на спине плавятся.

В общем, они что угодно могут.

В перерывах между тестами, ты возвращаешься в свой макромир и внимательно слушаешь замечания присутствующих. Заодно узнаешь, кто кем был в твоем микромире, кто чью роль играл и, кто больше всех тебя ненавидел. А возможно и здесь ненавидит. Но отомстить ты им вряд ли сможешь, потому что при следующем запуске жизненного цикла, память вновь как отрежет. Возможно, их это даже несколько забавляет. А ещё, те, кто сидит в комиссии имеют внешность, в отличие от нас, крепостных подневольных. Поэтому мы называем их – иные.

Короче говоря, после того, как тебя три раза линчуют на созданном лично сокровище, ты выслушаешь вердикт судей

и отправишься заново переделывать свой проект или тебя направят в тайную комнату – такой расклад.

Вот такие правила божественной игры. Так что, если вы живете в мире, в котором творится какая-то дичь, возможно, ваш создатель хреново учился или у него попросту папа чиновник.

Ага, всюду блат и несправедливость, даже наверху.

Мы тут тоже сидим такие и думаем, что за дверьми тайной комнаты уж точно будет лучше.

Там-то личности поумнее сидят.

Наверное.

Ну да ладно, пока ты намыливаешь себе веревку и переосмысливаешь собственную жизнь в поисках табурета, осознав, сколько тебе и твоей душе ещё предстоит учиться, развиваться и мучатся, я, пожалуй, расскажу тебе о своем экзамене.

Сразу скажу, учился я хорошо. Так что, моим подопечным повезло, они уже не мамонты, а даже люди. Ходят на двух ногах и немного думают. И я немного волнуюсь, поскольку прямо передо мной из экзаменационного класса, только что вышел мой однокурсник с дымящейся планетой.

Там натурально кипела жизнь. Просто физически испарялась. Так кипела, что аж булькала как твои пельмешки на кухне. Комиссия чередой своих испытаний спалила его цивилизацию, да так, что термоядерная война заставила выкипеть все его океаны.

А ведь он учился чуть лучше, чем я…

– Ну что, что тебе попалось, война? – спросил я его на выходе, бросив мельком взгляд на догорающий материк.

– Знаешь, – сказал он расстроено, – я никогда не думал, что любовь бывает настолько, просто запредельно, жестокой. Они использовали мои чувства и спалили всё дотла.

– Любовь?

– Любовь. Если вытянешь испытание любовью, я тебе не позавидую. Её еще никто не проходил. Желаю тебе удачи, Дориус.

– Спасибо, – озадаченно ответил я, сделал глубокий вдох и, держа планету под мышкой, зашел в экзаменационный кабинет.

– Тяните билет! – сказал мне председатель.

Здесь я был впервые и оглядел присутствующих.

Добрый и снисходительный взгляд председателя комиссии смотрел на меня разноцветными глазами. Один его глаз был просто зеленым, а второй наполовину лазурным. Про него я слышал, что он имеет решающее слово по итогам сессии. Он сидел по центру.

Справа от меня сидел некто Бирк. Холодные, колючие глаза. Взгляд его был тяжелый и обвиняющий. На правой кисти небольшой шрам в виде треугольника.

Слева сидела Мика. Теплые оранжевые глаза, которые всегда улыбались. Добрая душа. Милые ямочки на щечках и острые ушки.

Рядом со мной зависал Пект. Высокий и грузный, с равнодушными глазами, широким лбом и длинным носом.

Пект забрал у меня модель мира и поставил перед председателем на подставку, после чего жестом пригласил взять билет.

Я подошёл к краю стола и взял первый попавшийся.

«Ответственность» – прочитал я.

– Что ж, давно у нас не попадалось ответственности. В какой-то степени вам повезло, что ваша первая жизнь, пройдет под такой эгидой, – произнес председатель и обратился к комиссии, – Каким будет его пол?

– Пусть будет женский, – улыбнулась Мика.

– Пфф, женщина и ответственность, – усмехнулся Бирк.

– Тем будет интереснее, – многозначительно сказал Пект и поднял брови.

– Начинаем, – скомандовал председатель и я, даже не успев что-то осмыслить, почувствовал, как мои глаза застилает белая пелена…

Глава первая.

Часть первая.
«Дарья Собственноперсонная»

«Дрррррррынь!»

Мерзкий будильник….

«Дррынь-дррынь!»

Гадкий, холодный, противный…

«Дррынь – дрынь – дрынь!»

Ненавижу…

Как можно быть счастливой, если каждое утро тебя будит вот это бестактное исчадие ада?!

– Да заткнись ты! – крикнула я и бахнула со всего маха рукой по кнопке отключения.

«Дрр…» – затаился он и обидчиво затикал секундной стрелкой.

Ну что, Дарья, какие планы на сегодня?

Массаж, теплая ванна, поездка на лошадях по бескрайним полям и озерам с прекрасным, сказочным принцем?

– Даша! – послышалось из другой комнаты.

Мои глаза встревоженно открылись.

– Дааашааа! – послышался протяжный детский голосок,

переходящий в плач.

Надо покрасить потолок в зеленый цвет, должно же меня хоть что-то расслаблять по утрам, когда я открываю глаза в этом доме, если принцев и теплых ванн мне не предвидится лет так до гроба.

– Дааааашаааа!

– Ну что?! Иду я, иду!

Вскочив с такой нежной, прекрасной и вожделенной кровати, какая может быть только в раннее утро, я увидела кусок мохнатой рыжей шерсти по кличке Ньют прямо перед собой. Тот мирно сопел и шевелил усами, пока в него не прилетел тапок справедливости. Рыжий котик, лениво подняв помятую морду приоткрыл один разноцветный зелено-голубой глаз, презрительно стрельнул им в мою сторону, хрюкнул носопыркой и перевернувшись на другой бок, недовольно помахивал хвостом.

Чуть-чуть стало легче от того, что кому-то чуть-чуть стало тяжелей, прямо закон притяжения в действии.

– Привет тебе от Ньютона, – улыбнулась я коту, пока тот демонстративно наяривал хвостом, – Скажи спасибо, что не яблоком.

Из комнаты послышался плач.

– Бегу! – крикнула я и поскакала в одном тапке к Мишке.

Тот пускал сопливые пузыри и тер, красные от слез глаза.

– Что такое, кушать хотим? Кушать хотим, мой маленький братец! А кто будет кашку кушать?

Взяв Мишку на руки, я понесла его на кухню и, на выходе в коридор, чуть не упала от стремглав опережающего меня кота, решившего протаранить меня свой холеной мордой. Ловко метнув ногой последний тапок, я, в отместку, подбила его на повороте, но он, стукнувшись хвостом об плинтус, не теряя скорости и темпа, продолжил низколетящий заход на пищевую глиссаду к миске, как ни в чём не бывало.

Мишка засмеялся.

Ньют зашипел на тапок.

А я поставила чайник и принялась делать кашу для брата.

Мы живем втроём. Я, Дарья Собственноперсонная, мой младший брат Мишка – мелкий, сопливый оболтус и наша мама.

Мама болеет, последние роды прошли очень тяжело. Ей тяжело ходить, и она практически не встаёт с кровати уже третий год. Я пишу диплом в медицинской академии и планирую посвятить жизнь науке. Но скорее всего, посвящу её уходу за своей мамой и воспитанию прыткого брата, которого очень люблю.

Миша, живое воспоминание о моем отце. Он очень на него похож, как внешне, так и внутренне: бойкий, с характером, всегда добивающейся своего. В данный момент, он стучит по столу ложкой и добивается своей каши.

Самые теплые минуты в моей памяти – это живые и здоровые родители. Вот папа пришёл со службы домой, снял свой офицерский китель, подмигнул мне и сел кушать приготов-

ленный мамой борщ. Вот рыжий кот Ньют, которого я притащила с помойки, ещё будучи маленькой девочкой, любезно оставленный в доме моими родителями, нагло крадет кусок мяса пышной, когтистой лапой, прямо из тарелки с борщом у моего отца. А вот стоит мама в переднике и смеется, пока папа бежит и ругается за удирающим котом, в зубах которого дымится кусок вареной говядины…

А вот папа подходит к маме и ласково гладит её животик, в котором уже постукивает своей ножкой Мишка… И летнее солнце пронзает кружевную тюль, висящую на окне и причудливыми теневыми узорами, играет на лицах любящих друг друга родителей, которые прижавшись к друг другу лбами, доверчиво смотрят в зеркало души собственной половины, ища там свое отражение.

У меня было всё это. Пока не случилась война. И отец, плохо скрывая мокрые от боли расставания глаза, сделав прощальные поцелуи для всего семейства, ушел навсегда, оставив после себя только легкий табачный запах на балконе и десяток скуренных сигарет.

Миша, не видел счастливых родителей. Миша вообще не видел счастья. Счастье там, где есть любовь. А любовь страдает в одиночестве и болезнях. Боль не даст человеку быть счастливым. И я обязана эту боль унять. Боль матери и боль брата.

Я должна им помочь, во что бы то ни стало…

Мой дипломный проект посвящен вирусологии. Если ор-

ганизм человека – это его Родина, то вирус – вражеский резидент. Этакий наглый внутриклеточный Джеймс Бонд, который проникая во всё внутренние, поселяет там страх, ужас и тиранию, а после, шаг за шагом, подчиняет собственной идеологии весь организм и забирает все тело по цепной реакции.

Деспот, хам, волюнтарист и просто хороший, веселый парень, этот самый вирус.

Променяв семь светлых лет кипящей молодости, на морщины вокруг глаз и, если повезет, диплом медицинской академии, я почти разуверилась в принцах, девичьем счастье и общей вере в человечество. Осталось верить только в вирусы, бактерии и подорожник.

Собираясь в академию, я тихонько прокралась к маме в спальню. Она уже проснулась, но лежала с открытыми глазами, безмятежно смотрящими куда-то в потолок.

– Я пошла, – прошептала я. – Мишка играет у себя, каши много слопал. Водичка у него есть. Полежи ещё.

– Буду пытаться вставать, – прошептала мама, улыбнулась и протянула руки для объятий.

Ей было очень тяжело. С каждым днем болезнь прогрессировала, и вставать становилось всё сложнее. Что это за болезнь, медицина ответить не смогла. Диагноза нет. Я не стала дожидаться резкого подъема в науке, и пошла в заведение с чашей и змеей сама, чтобы добиться всех ответов без посредников и вылечить маму.

Учусь я хорошо. Вроде как даже диплом цвета непосильной ярости обещают. На этом, все хорошие новости в области остросоциальной жизни у меня закончились. Ничего другого, за пределами входной двери моего дома у меня нет.

Вот эти все друзья, личная жизнь и признание в коллективе по принципу «пирамиды Маслоу», в моей жизни, напрочь отсутствуют.

Я попрощалась с мамой, слегка потыкала ногой в мягкий живот мурчащего котика и открыла дверь в холодный, мрачный и жестокий мир.

Взгляд в пол. Наушники в уши. Три витка шерстяного шарфа вокруг шеи и вперед к автобусной остановке. От моего подъезда, до остановки ровно 247 шагов. Три поворота и два столба. Потом зебра, дохлый воробей у мусорки, разбитая бутылка пива и вот я стою под козырьком остановки, вцепившись в рюкзак и разглядывая грязные ботинки впереди стоящего мужчины, внешность которого я описывать не буду, потому как, выше пояса мой взгляд не поднимается. Могу только сказать, что он курил и кашлял.

Да я социопат. И по прибытию автобуса, я ищу в нём угол, забившись в который, я смогу хоть на минуту поднять глаза. А то так можно и свою остановку проехать, что, впрочем, не раз со мной и случалось, когда не находилось подходящего угла.

Надо ли говорить, что надо мной посмеиваются?

Надо ли добавить, что в академии меня травят?

Надо ли сообщить, что я не умею нормально разговаривать с людьми или вообще хоть как-то адекватно реагировать?

Будем считать, что я вас предупредила, ибо далее по тексту, только боль и унижение.

Зайдя в аудиторию и едва только переступив порог, мне на голову упали красные, кружевные труселя и, естественно, я тут же слышу заранее приготовленный вопрос:

– Рыжая, ты вчера бикини у Сапога забыла?!

Потом всеобщий хохот. Сегодня у нас общий поток в большой аудитории. Сапогов блестящий педагог, академик, он помогает мне писать диплом. Стряхнув с головы эту похотливую мерзость, я предприняла попытку отыскать свободное место в хаосе насмехания и, о чудо, таковое нашлось прямо на первой парте, да ещё и в углу.

Слава Богу, мне не придется подниматься вверх посреди этого стада, подумала я и услышала новый приступ хохота, как только села на скамью.

Ага – это был мел. Ловушка для рыжей. Подловили, да. А я-то думала, что приматы более двух шагов просчитать не могут, видимо эволюционируют. Как-никак седьмой год в академии, здоровые лбы сидят.

Ну да ладно. Хорошо хоть не жвачка или масло. Если сравнивать с тем, что было раньше – это я легко отделалась. Да и люди всё же взрослеют, половина студентов сидели с безразличным лицом и всеобщее ликование по поводу моей

вымазанной в меле пятой точки быстро прекратилось.

Потом мне ещё прилетело пару бумажек в затылок, и зашел Сапогов.

А далее все кинулись к нему за консультациями – шла последняя преддипломная неделя.

Но, Сергей Николаевич всех остановил и позвал первой меня. Тема у меня сложная, на неё нужны силы и время. По сути, то над чем я работаю – это новая разработка в области медицины. О ней я расскажу чуть позже.

Не успела я встать, как услышала шипящий и гнусавый голосок за спиной:

– Рыжая, бесстыжая…

Это был Барков и его едкая желчь, неизменные спутники друг друга, просто симбиоз.

Барков знает меня еще со школы, и он моё личное, персональное проклятие. Он вообще, как будто преследует меня всю жизнь. Учились в одном классе, теперь ещё и в академии вместе каким-то непостижимым образом. Насколько он мерзок, настолько и зол. Травит меня с завидной регулярностью. Не упускает ни единого момента. По-моему, всем уже надоело надо мной издеваться или просто стало скучно, кроме него. Этот не устаёт. Так и ходит тенью за мной попятам. Почти уверена, что свежий номер с трусами и мелом – его проделка.

В прошлом году нас поставили вместе проводить парный химический опыт. Либо поставили, либо он сам поставился

– тут уж не знаю, но знаю точно, что он не мог себе позволить упустить момента и пройти мимо меня. И, так уж случилось, что я пролила кислоту ему на руку во время опыта. Абсолютно случайно. Теперь на руке у него зияет шрам похожий на треугольник, а я получаю все новые порции ненависти в свой адрес каждодневно.

Итак, Сапогов дежурно усмирил Баркова грозным замечанием, и мы сели разбирать мой проект.

Надо сказать – это не совсем проект. Быть может это даже диссертация. Кто-то называет мое творение научным прорывом, но в целом, для его осуществления нужны труды многих людей, если не целого института, при поддержке генерального спонсора, с казной государства, у которого в карманах есть много нефти.

Суть в том, что я создаю вирус. Если в двух словах – позитивный вирус. Не тот, который будет дарить вашей душе много теплоты и гармонии, принося покой вашему эмоциональному кредо, а тот, что нацелен на борьбу с заболеваниями в любом виде и при любой стадии. Это искусственный иммунитет, который вживляется человеку старым способом, в виде прививки и развивается в организме, купируя все возможные болезни и нарушения. Он интеллектуален и может передавать сигналы о стабильности организма или происходящих с ним изменениях. Сигналы эти поступают в ваш личный телефончик, в специальное программное обеспечение, без смс и регистрации.

И теперь проснувшись поутру, вы узнаете, что только что переболели простудой или за прошедшую ночь вами, был героически побежден рак.

Здорово я придумала, правда?

Но, конечно, не все так просто, как могло казаться. Все это хорошо лишь в теории. Базовый вирус, состоит из приемника нейросигналов, диагностику проводит искусственный интеллект внешнего устройства, а саморегуляция состоит из специальных возбудителей, входящих в формулу вируса.

Стало быть, в осуществлении подобного проекта необходимо задействовать огромное количество специалистов, от биоинженеров и программистов, до дизайнеров и художников.

Так или иначе, через пару недель я уже стояла вся нарядная и даже накрашенная у проекторного экрана, доказывая обществу в виде студентов и экзаменаторов, что мы все можем жить лучше и даже чуточку веселей, если приложим совместные усилия.

Пока Барков, сознательно пересевший на первые ряды к моему выходу, скрипел зубами и испепелял меня лучами ненависти, а представители комиссии в лице декана, директора и преподавателей всеми силами старались изображать заинтересованность к небывалому порыву энтузиазма и оптимизма в моем лице по представленной теме, я трепетала и буйствовала.

Я рассказывала научную часть, важность подобной разра-

ботки, теоретические прорывы в этой области, общие социальные успехи на фоне прогресса медицины, чего я только не говорила и не показывала, но массовость стала просыпаться ближе к списку литературы на последней странице дипломного проекта.

– Всё это, конечно, очень интересно и познавательно, но труднодостижимо. Очередная утопия и фантазерство. Подобные проекты необходимы только исследователям, а не реальным учёным и разработчикам. Но, нужно отдать должное вашему наставнику – Сапогову, вы провели очень глубокую и объёмную работу. Мы поставим вам отлично, но учтите, что ваш проект не является научным, – сказал мне декан, на фоне счастливой гримасы презрения и ликования Саши Баркова.

Я подняла свою челюсть с пола и поехала домой, наливаясь пунцом от внутренней ярости и негодования, цветом становясь похожей на свой красный диплом. Проскочив незаметно серой мышкой мимо комнат мамы и брата, я пронырнула в кладовку:

– Пылится здесь, – приказала я красной корочке позора и, бросив документ о собственной состоятельности, гордо пошла, заниматься чисто женскими делами – беззвучно рыдать в подушку лежа на кровати.

Меня не любят, меня не ценят, я никому не нужна и прочий бабский хоровод мыслительных тараканов. Я не раз это пережила и ещё сто раз переживу, просто женщине надо по-

плакать, отстаньте от неё и принесите шоколадку.

Когда отпустило, я пошла на кухню. Там уже вовсю шёл подготовительный процесс пожирания и кормления: Мишка стучал ложкой, а мама готовила кашу.

– Ты дома?! – радостно воскликнула мама.

Мишка вылупил глаза.

– Угу.

– Сдала?!

– Ага.

– Моя ты умница! – мама сердечно обняла меня и затряслась.

Когда она волнуется или напрягается, хоть умственно, хоть физически, она сильно трясется. Это все последствия болезни и никаких лекарств на эти симптомы не существует.

– Полежи, отдохни, я покормлю его, – сказала я.

– Нет, я сама, – ответила мама.

Она всегда смущалась, когда её трясло. Ей было неприятно. Внутренне она не смогла смириться с тем, что её поразила болезнь. Она не хотела чувствовать себя неполноценной. Да и никто бы не хотел. Иногда она просто падала от бессилия, пытаясь заниматься домашними делами. Она боец и я горжусь ей.

Мишка лопал кашу, я мыла посуду и вдруг увидела, как ложка у Миши неожиданно выпала из рук. Как-то непроизвольно это произошло.

Я нахмурилась, подняла её и снова дала ему. Мама с тре-

вогой смотрела на моё напряженное лицо.

– Ты чего? – спросила она, – помыть же надо.

– Подожди, – ответила я. – Миша – ешь.

Миша облизнулся, взял ложку и… затрясся…

Часть вторая.
«Рыжие надежды»

Утром я рылась в кладовке в поисках документа из мест добровольного лишения свободы сроком на семь лет.

Достав диплом, я сунула его в пакет, туда же запихала все свои грамоты, награды, благодарности и прочую макулатуру жизненного самоутверждения.

Нет, мне плевать. Я добьюсь своего. Вчера я увидела то, что обязывает меня, стучать в двери медицинского научно-исследовательского института прямой ногой. Возможно даже с разбегу.

Оставив шарф и наушники дома, я впервые в жизни взяла такси, громким и четким голосом сказала водителю адрес института и поехала устраиваться на работу.

И пусть только попробуют сказать мне, что мест нет, значит, кому-то суждено подвинуться.

А ещё пусть мне что-либо скажут на тему моей профнепригодности, я там любого академика разнесу в пух и прах.

Я крыса, загнанная в угол и за своих родных, я буду драться.

Через час я уже писала анкету и отчаянно просила о личном разговоре с директором института.

– Он сейчас занят, – ответили мне недоуменно.

– Я подожду, – ответила я с выражением.

Девочка из отдела кадров сделала глаза и ушла, цокая каблуками, как лошадь копытом по стеклу.

Я зла и агрессивна. Но мне нужна эта работа, все ваши сотрудники и куча денег ради своей идеи. Всего на всего. Весь мир и что-нибудь покушать. Я сделаю этот вирус, сделаю его и вылечу маму с братом.

За прозрачным стеклом появилась фигура.

Я напряглась.

– Вы хотели меня видеть? – спросил меня высокий брюнет средних лет.

– Да, – ответила я бойко.

– По какому поводу?

– У меня есть предложение для вашего института в виде важной и перспективной разработки.

Брюнет представился:

– Дмитрий Николаевич, директор института.

– Дарья Сергеевна, – кивнула я своей рыжей копной в ответ.

– Я вас слушаю, Дарья, – директор присел за стол, сложил руки, и чуть склонив голову, включил радары проницательности.

Я слегка покашляла.

Потом полезла в пакет и кинула стопку бумаг на стол.

– Здесь мой диплом.

– Так.

– В нём я рассказываю, как создать вирусный геном, спо-

собный управлять человеческим иммунитетом, для постоянной саморегуляции и восстановления организма.

– Ага. А от меня вы что хотите?

– Хочу подключить все ваши ресурсы для создания этого проекта.

– Но никаких ресурсов, кроме человеческих, у меня нет, – развел руками директор.

– Вот они-то и понадобятся.

– Кто? Человеки?

– Да.

– Все?

– Все. Ещё и мало будет.

– Что ещё?

– Финансовая государственная поддержка, огромный денежный грант.

– Угу. Много?

– Очень. Вам придется попотеть.

– Мне?

– Да.

– Ясно. Что-то ещё?

– Да. Мне должность ведущего биоинженера проекта.

– Свой кабинет освободить?

– Мне он не нужен. Пока не нужен.

– Но может пригодиться?

– Может.

– Так, значит должность, деньги…

– Много денег.

– Много денег и много людей.

– Да.

– Хорошо. Ответьте мне только на один вопрос.

– Слушаю.

– А для чего всё это?

– Я же сказала, для создания генома, который будет регулировать в организме…

– Нет, нет, нет, погодите, вы не поняли, для чего это нужно в мире?

Директор выразительно посмотрел на меня, пытаясь найти в моей голове остатки адекватности, но я была отчаянна и непоколебима.

– Чтобы все люди жили здоровыми и счастливыми, разве это не очевидно?

Дмитрий пододвинулся ко мне поближе и размеренно произнес:

– А сейчас Дарья, мне придется разбить все ваши альтруистические попытки сделать этот мир лучше. Я ни в коем разе не сомневаюсь в вашей компетентности и здравомыслии, хотя поначалу мне и хотелось вызвать неотложку в желтый дом. Но я уверен, что как только я открою вон те бумажки, что так лихо вы кинули на стол переговоров, там я не увижу ничего, кроме сухих расчетов и формул. Да, вы корифей науки. Самородок. Талантище. Красный диплом и огоньки в глазах. И возможно, я приглашу вас к нам на работу, хотя

мы уже взяли одного молодого человека с вашего института, кстати, он тоже выпускник и я уже успел пожалеть, что вообще связался с ним. Но вы не будете здесь заниматься своим уникальным проектом. Вместо этого, вы будете синтезировать новые лекарственные препараты от боли в горле и соплей, не ваших розовых, а настоящих, человеческих, зеленых. А там снизу, маркетологи придумают вашему лекарству звонкое название, вирусную рекламу и яркую упаковку, для того чтобы дяди, которые финансируют наш институт, смогли заработать себе на новый особняк и спортивную машину. Здесь никто не занимается исследованием в области лечения рака или СПИДа, потому что это коммерчески не выгодно. Мертвые, не зарабатывают деньги, в реальном мире, лечат только живых и дееспособных.

Мне вновь захотелось рыдать.

– Так что же, у меня нет никаких шансов? – спросила я сдавленным от кома в горле голосом.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Воцарилась тишина истины. Я медленно собрала со стола свои документы и небрежно кинула их в пакет. Вместе с ними туда улетели розовые очки моей юности, мечты о справедливости, равноправии и былой максимализм. Ещё вчера мне давали диплом и пророчили великую карьеру, подогревая весь выпускной карнавал самоутверждения, словами о новом жизненном этапе взросления и реализации, а сегодня я собираю осколки разбившихся надежд, кладу их в совок

иллюзий и вытряхиваю в мусорную корзину серой действительности, на дне которой уже покоится счастье.

Ещё жить не начала, а уже устала.

Я подошла к двери и, развернувшись в пол-оборота, спросила Дмитрия:

– А если завтра, тяжело заболеют и ваши близкие люди, вы тоже предложите им только капли в нос?

Дмитрий ничего мне не ответил. Только глаза в пол потупил. Я медленно шла по коридору в полном моральном опустошении. Дома меня ждет больная мама, которой хуже день ото дня и заболевающий брат. Я теряю свою семью. Я потеряла отца и с уходом крепких мужских плеч, на котором держался весь наш дом, смотрю, как трещит по швам родовой фундамент.

– Дарья… – услышала я нерешительный голос Дмитрия позади.

Он как-то неуверенно сделал пару шагов ко мне и сказал:

– Оставьте мне ваш проект. Я изучу его и подумаю над всем этим. Извините, что был так резок с вами. И да, если вы всё еще хотите у нас работать, я подыщу вам местечко. Приходите, в понедельник.

Я оставила пакет у него под ногами, и ничего не ответив, вышла на свежий воздух, чувствуя его задумчивый взгляд на своём затылке.

Пройдя пару сотен метров от лаборатории, я села на лавочку и уставилась на трех воробьёв, которые по очереди

дербанили кусок хлеба. Он был слишком большой для них, птички смешно хватали его, поднимая клювом, и трясли над головой до тех пор, пока не отщипнётся кусок поменьше, который они смогли бы проглотить. А дальше прилетела ворона, громко каркнула, схватила весь кусок хлеба целиком и, сев на ветку, принялась трапезничать, придерживая еду когтистой лапой.

Этой ночью я плохо спала. Ньют терся об мои ноги и громко мурчал, тщетно пытаясь меня утешить. Мама постанывала в соседней комнате, всякий раз просыпаясь и выпивая обезболивающее лекарство.

Свет то загорался, то гаснул снова, то загорался, то гаснул снова…

– Если в этой жизни есть Бог. То я хочу, чтобы он знал. Я тебя презираю. И буду презирать, пока у меня не появится надежда, пока ты не услышишь меня, – сказала я вслух четырем стенам.

Ньют перестал мурчать и перепрыгнул с кровати на компьютерный стул, стоявший напротив меня. Деловито усевшись четырьмя лапами и обняв себя любимого собственным хвостом, он осуждающе уставился на меня своими пронзительными разноцветными глазами.

– Чтоб ты понимал, рыжая твоя морда, – сказала я шёпотом.

Вместо ответа он пошевелил усами, смирил меня взглядом и, спрыгнув со стола, ушёл, гордо подняв свой пушистый

ХВОСТ.

Часть третья.
«Последний шанс»

Утром я проснулась от ощутимой тяжести в груди. Нет, это была не душевная боль от недавних потрясений, а что-то различимо физическое. Я попыталась продрать глаза, но мне противостояла мутная плёнка в виде засохших вчерашних слез, неохотно растворяющаяся после череды усиленных морганий и ручных протираний. Через некоторое время я всё же смогла разглядеть тёмный силуэт, восседавший на мне верхом и смотрящий в упор.

Прежде чем я хотела закричать «чур, меня, чур!», полагая, что мягкий комочек, восседающий на моих чреслах это не иначе как домовой, я успела разглядеть теплые улыбчивые оранжевые глазки и острые ушки любимого брата Мишки.

– Что-то заспалась ты, – послышался голос мамы, сидевший рядом.

Я посмотрела на часы – полдень. Враг-будильник сдал свои полномочия и проиграл войну с целью моей личной сонной деформации, в связи с моей временной нетрудоспособностью, по причине жизненного распутья.

– Миша кушал? – спросила я маму, пока тот играл с моей заколкой в волосах.

– Давно уже.

– Извини, мам. Я что-то совсем расслабилась.

– Ничего, ничего. Умывайся и кушай, обед на столе, ещё не остыл.

Я слезла с кровати и поймала на себе снисходительный взгляд Ньюта, восседавший на кресле, как на царском троне. Рыжая скотина улыбалась собственной непревзойдённости.

– Ньют поел, – добавила мама, пока мы с котиком буравили друг друга соревновательными взглядами за звание в номинации лучшей квартирной рыжести.

Он снова легко победил и ушёл довольный.

– Мне никто не звонил? – спросила я, осторожно надевая тапки на ноги, пытаясь тактильно прощупать рыжие следы органической мести.

– Звонили из лаборатории, спрашивали, когда ты принесешь документы для работы. Почему ты не сказала, что тебя приняли? Это же так здорово!

Мама улыбалась. Я не стала её расстраивать, пересказывая свой неудачный поход в поисках научно-медицинских открытий.

– Надо к ним зайти, – сказала я тихо, конечно, никуда не собираясь.

– Покушаешь и ступай, – я посижу с Мишей, не беспокойся.

Пришлось собираться и куда-то идти. Туда где тебя никто не любит, где ты никому не нужна и где никто и никогда тебе не поможет – в обычную серую, человеческую, социальную среду. Я пошла убивать пару часов собственной жизни в

парк неподалеку, зайдя по пути в магазин, купить мармеладок. В парке есть речка и пруд. У речки есть камушек, спустившись к которому по отрывистому берегу, можно уединиться, сев подле него и предстать Аленушкой, словно на картине известного художника, ожидая чуда у болотца.

Мармеладки вкусные. Речка тихая и спокойная. А я все тоже рыжее, затравленное существо.

Просидев там какое-то время, я побрела домой, выдумывая на ходу причину, из-за которой мне могли отказать в ходе собеседования, такую чтобы сильно не расстраивать маму.

Я не хочу там работать без надежды. Я должна сделать в своей жизни что-то большее, чем пенициллин. А директор заведения дал ясно мне понять, что на большее рассчитывать не придется.

За входной дверью я услышала голоса, один из которых был явно мужским. Каково было моё удивление, когда, зайдя в дом, я увидела на собственной кухне восседавшего Дмитрия, директора научно-исследовательской лаборатории и какую-то незнакомую мне девушку, пьющих чай с баранками вместе с моей мамой.

– А вот и наша красавица, – сказала мама и вышла ко мне. – А у нас гости.

– Я вижу, – процедила я сквозь зубы, не сводя глаз с Дмитрия расплывшегося в доброжелательной улыбке.

В мой дом?! В мой храм?! В мой спасительный уголок социопата, пришло вот это, что несколько дней назад похоро-

нило меня под табличкой: «забудь, взрослей и приходи снова»?!

Ну, наглость!

– Раздевайся, проходи, чего ты встала-то? – суетливо зашептала мама в коридоре, пока я застыла как паралитик у входной двери, словно британский гвардеец у королевских покоев, вцепившись в сумку с остатком мармеладок.

Я села за стол и вопросительно уставилась на Дмитрия.

– Познакомитесь, Дарья – это Елена. Елена сотрудник нашей лаборатории и по совместительству представитель фармацевтической компании. И вообще очень хороший человек.

– Здрасьте, – кинула я Елене, пока ты мило улыбалась ямочками на щеках.

Хорошенькая такая, фигурная, миниатюрная, зеленоглазая блондиночка. Таким фармацевтам как она, достаточно только прийти и что-то предложить типичному мужскому представителю породы «кобель» заискивающим голоском, и ей сразу будут оказаны все необходимые почести и постелены красные ковровые дорожки во все кабинеты. Возникнет спонтанный праздник дня открытых дверей и выстроится очередь из похотливцев, что будут подобострастно заглядывать ей в рот каждым словом и услужливо расходится в неуклюжих реверансах. Все наперебой начнут нервно заикаться, рассказывая о собственной важности и высокопоставленной значимости, показывать денежную независимость и усилен-

но втягивать пивные животы, перемешавшая недоваренную баранью ногу с жульёном в собственном желудке, путём мышечного напряжения остатков хилого пресса, ради минутного внимания вожделенной царской особы.

Кому-то достаются красивые витиеватые округлости внутри черепной коробчёнки, а кому-то снаружи и, если повезет, ещё две округлости под ней, степень прикрытости которых, варьируется от важности собеседника. Выигрывает всегда-то, что видно невооруженным и похотливым глазом – се ля ви.

– Что вам нужно, Дмитрий? – спросила я.

– Ну, во-первых, я хочу извиниться за вторжение и отдать ваш замечательный проект. Во-вторых, предложить вам сотрудничество, раз вы не хотите работать с нами напрямую.

Мама напряглась. Дмитрий бил не в бровь, а в глаз.

– Не хочу тратить своё время на зеленку и лейкопластырь, – съязвила я.

– И не будете, – ответил Дмитрий крайне серьезно, – Ваш проект – гениален. И нужно пробовать всеми силами его осуществить. Теперь я понимаю вашу твердость и настойчивость на собеседовании.

– Мы пришли помочь вам, – добавила Елена.

Мама сложила ладошки на лице, с трудом сдерживая слезы.

– Да, а с чего это вдруг? – спросила я недоуменно. – Вы твердо обозначили позицию вашего руководства, относи-

тельно всех изобретений и новых методов лечения, что вдруг так резко могло измениться в этом мире за неделю?

– Ни-че-го, – ответил Дмитрий. – Совсем ничего не изменилось. Кроме того, что у вас появилось плюс два игрока, на сумасшедших позициях, в борьбе за научный прогресс, сквозь оборонительные редуты маркетинга и капитализма.

Елена вдруг начла громко кашлять. Глаза её наполнились слезами, она судорожно схватила платок и поднесла ко рту. Дмитрий быстро достал какие-то таблетки и спрей, протянул стакан воды, а я заметила кровь на платке.

– Извините, – стыдливо сказала Елена, – Дим, мне нужно выйти на улицу, – тихо добавила она.

– Хорошо, – ответил Дмитрий.

Тут я стала что-то подозревать…

– Мам, посидишь немного с Мишей? Я провожу, – сказала я растерянной маме.

Мы вышли из дома. Елене стало плохо, Дмитрий вёл её под руки. Спустившись вниз по лестничной клетке, он вызвал такси.

– Может скорую? – спросила я у них осторожно, пытаясь выявить симптом.

Дмитрий обернулся и ничего не ответил.

Елена сказала:

– Останься, поговори с ней. Я доеду сама.

– Ты уверена?

– Да…

Подъехало такси. Дмитрий аккуратно посадил Елену и, что-то сказав водителю, закрыл дверь. Сунув руки в карманы пиджака, он задумчиво подошёл ко мне.

– Пройдемся? – предложил он.

– Да, – согласилась я.

– Здесь есть тихое место?

– Парк, – предложила я своё последнее антисоциальное убежище.

– Подойдет, – ответил он.

Мне было неудобно. Мы шли молча. Я сбавила гонор, понимая, что стала невольным свидетелем человеческой драмы и, в этот раз, не я в ней главный фигурант.

Как-то даже не привычно…

Мы пришли в парк, прошли ларек с шаурмой и сели на лавочку. Вечерело. Дмитрий начал первым:

– Я буду честен с вами.

– Вы ничего мне не должны… – начала я, но он перебил:

– Позвольте мне открыться и немного послушайте. Признаться, я был очень удивлён, когда вы пришли ко мне и настойчиво потребовали, именно потребовали ресурсы института для решения каких-то своих проблем. Не скрою, меня возмутило это. Поначалу. Но потом я понял, что эти требования связаны с чем-то иным, кроме юной потребности в самореализации. Ваши глаза горели как дуговая сварка. И в конце нашей аудиенции, вы действительно в сердцах признались, что у вас есть проблема. Большая проблема. И видимо,

эта проблема – болезнь ваших близких родственников.

– Я не говорила такого, – начала я защищаться.

– Но всё же, я догадался. А сегодня убедился в этом у вас дома. Поймите меня правильно, я должен был понять вас. Понять, что вы готовы биться. Готовы биться, до самого конца. Ведь так?

Я промолчала. Гадкие слезы потекли из глаз. Внутри меня разгорался вечный огонь, который никогда не угасал, с появлением первого рыжего волоска, сверху моей физиономии.

Дмитрий продолжил, мельком взглянув на меня:

– А сегодня и вы, кое-что увидели из моей жизни. Кое-что, что должно поспособствовать объединению наших сил в наших проблемах.

– Что у неё? – спросила я прямо.

– Рак легких.

– Стадия?

– Терминальная.

– Шансов нет.

Дмитрий потупил глаза. Я была очень резка, но в подобных делах, нужно называть вещи своими именами.

– Я должен хотя бы попробовать, – сказал он.

– Вы внимательно читали мой проект? Там только испытаний на пять лет по минимальному кругу.

– Тогда на что вы сами рассчитывали? Думаете, у вас больше времени?

– Я не знаю… У вас хотя бы диагноз есть. А у меня сначала

мама, а теперь ещё и брат по схожей симптоматике.

– И что? Вы не готовы бороться? Если мы не успеем, так может у вас получится!

– Думаете, я не готова за них глотки рвать?! – спросила я с вызовом.

– Ладно, давайте сбавим градус нашей беседы, Дарья. Вы ведь не дослушали. У меня есть предложение. Я пришёл к вам не за пустой болтовнёй. Готовы послушать?

Я кивнула.

– Мы предложим вашу разработку военно-медицинской академии. Елена назначила встречу с их представителями. Там должны заинтересоваться таким проектом, с помощью которого, любого человека можно излечить, путем моментальной диагностики, с последующим направленным импульсом в поврежденную область человеческого организма, для вызова процесса регенерации органов или участков тела, из искусственного резерва расширенного иммунитета. Там всегда мечтали о неуязвимых биороботах.

– Как-то страшно это всё. Военные? Да они же придурки!

– Дарья… Принесите завтра все свои документы, мы оформим вас задним числом в список наших сотрудников и поедем на встречу.

Дмитрий встал, чтобы уйти и добавил:

– И я вас очень прошу, будьте сдержаны. Это наш последний и единственный шанс быть с теми, кого любим.

Часть четвертая.
«Важное заседание»

На следующий день, меня провели по красным коврам министерства обороны и посадили за длинный резной стол, в окружении усато-пузатых генералов, увешанных медалями и орденами с кучей золотых звезд на погонах.

Суровые дядьки в формах, переговаривались между собой гнусавыми голосами о самом важном из жизни офицеров: погоде, давлении и медных самоварах на своих дачах. Через некоторое время, во главе стола, появился самый суровый из суровых, и судя по количеству звезд на погонах и орденов на пузе – самый главный из главных. Все военные незамедлительно встали и вытянулись во весь рост, смешно вытянув свои трехэтажные подбородки в сторону хрустальных люстр на потолке. Кто-то ткнул меня под ребро, и я вскочила, пытаясь изобразить покорность со смирением на своём хамоватом лице, при этом вытянув руки по швам, словно дворовая собака перед своим хозяином, в ожидании вареной сосиски.

– Прошу садится, – сказал генерал.

Пока остальная часть генералитета усаживала свои тучные тела с диким грохотом стульев и металлическим лязганьем всех своих многочисленных наград, я тихонько спросила Дмитрия:

– Вы же говорили, что мы сначала поедем в военно-медицинскую академию?

– Когда они поняли, что мы от них хотим, сразу собрали министерскую комиссию на заседании, в академии таких вопросов не решают, – шепнул мне Дмитрий в ответ.

– Господа офицеры, – монотонно заговорил главный генерал, – Сегодня я собрал вас для вынесения совместного решения, по вопросу новейшей разработки у наших коллег из научно-исследовательской медицинской лаборатории. Прошу внимательнейшим образом их выслушать, вам слово господа.

Пока я трясла ногой под столом от страха или это нога трясла меня, слово взял Дмитрий:

– Всем добрый день, я директор института Ковалёв Дмитрий Николаевич. Это мои коллеги, Смирнова Дарья Сергеевна и Тихонова Елена Константиновна. Не так давно, Дарья Сергеевна окончила медицинскую академию с красным дипломом и пришла к нам с готовым проектом, согласно расчетам которого, в научных кругах появилась возможность создать перспективную и прорывную разработку в области науки, не имеющую аналогов во всем мире.

От переживаний я начала краснеть и стала похожа на испанскую тряпку тореадора.

– Поясню, в чём заключается суть разработки без научной терминологии и прочей демагогии, – продолжил Дмитрий. – Речь идет о создании биологического вируса, на базе

компьютерного искусственного интеллекта, посредством которого, человеческий организм получает возможность полной регенерации поврежденных участков тела или внутренних органов, за счет внедрения в него дежурного набора химических соединений, стимулирующих борьбу и излечение ото всех известных миру заболеваний, ран и даже тяжелых увечий. Мы предлагаем создать искусственный иммунитет для человека, с внешним диагностическим сканером, управляя которым, человек будет способен к самоисцелению и регулировке всех важных процессов в организме.

Генералы хмурили важные лбы, пытаясь прийти к общему пониманию сути, посредством усиленной мозговой активности, но за пустеющими военными глазами, внутри крепких черепных коробок силовиков высших военных ведомств, плюшевая обезьянка стучала в свои барабанные тарелочки, наигрывая незатейливые мелодии и наотрез отказываясь переводить заумные слова Дмитрия, в простую и доступную форму.

– Дмитрий, – обратился к нему главный генерал, – поясните, пожалуйста, в примерах, на что способна ваша разработка и чем она будет полезна военному ведомству, а то не совсем понятно.

– Если солдату в бою оторвет ногу, – заговорил другой генерал, – она что вырастет заново?

– Нет, не вырастет, – ответил Дмитрий. – Пока не вырастет. Но он точно не умрет от кровотечения, и будет сохра-

нять сознание, не чувствуя боли. Наш проект позволяет создать неуязвимых универсальных солдат нового поколения.

Генералы оживились и зашептались, главный генерал удивленно вскинул мохнатые брови и принялся что-то записывать. Я стукала ногой под столом от волнения и хлопала глазами.

Посыпались вопросы со всех сторон:

– У меня рак у жены, от рака спасает? – спросили в углу.

– Спасает. На любой стадии. Внутренние органы регенерируются, – ответил Дмитрий.

– И печень можно восстановить? – озабоченно спросили о чём-то своём, особо важном, с другой стороны.

– И печень.

– А вот если пуля в голову? – резонно спросил кто-то с краю.

– Искусственная кома, реанимация и купирование кровоизлияния до прибытия полевых хирургов.

– А в ногу? – добавил кто-то ещё.

– Будет бегать, даже не почувствует, – продолжал Дмитрий отбиваться от назойливых вопросов.

– Мне нужно глаз восстановить, у меня протез, вот глаз можно?

– Найдете донорский – сделаем вам глаз.

– А инсульт?

– Полностью контролируется самодиагностикой.

– Господа, господа, успокойтесь! Товарищи офицеры, я

призываю вас к порядку! – нервно кричал главный генерал, пытаясь остановить шкурные вопросы, но его подчиненных уже было не остановить.

Посыпались более острые вопросы от старых дедов-маразматиков, после которых я едва сдерживала смех:

– На потенцию влияет?!

– Срок жизни увеличивается?! На сколько?!

– Можно как-то жену омолодить?

– А ногу вместо протеза пришьют?

– Суставы омолаживает?!

– А если руки дряблые и спина, можно как-то накачать?!

– Волосы-то на голове вырастут?!

– Ответьте про потенцию!

Дмитрий успевал только головой из стороны в сторону мотать, генералы рвали и метали, перебивая друг друга, Елена тихо смеялась, закрыв лицо руками, а я грызла губу и молча тряслась, чтоб не прыснуть от раздирающего меня изнутри хохота.

Главный генерал стучал кулаком по столу изо всех сил. Возбужденные генералы неохотно успокоились и расселись по местам, с горящими от энтузиазма глазами.

– Дурачьё! Устроили тут птичий базар! – сказал в сердцах главный и, достав скомканный платочек из кармана мундира, вытер им пот со лба. – В общем, так, – продолжил он, – Завтра я, поеду с докладом к верховному главнокомандующему, поеду и доложу сам!

Генерал гневно обвел глазами присутствующих подчиненных.

– Я уверен, что там вашим проектом так же заинтересуются. От вас мне потребуется полная денежная калькуляция, я должен знать, во сколько это всё обойдется государству и какие финансовые вложения предстоят. Так же важен срок выполнения, сколько это вообще, год, два, пятнадцать…

– Вот хотелось бы побыстрее, со сроками…, – послышалось тонкое замечание от генерала справа.

– Заткнись Самойлов! – не выдержал главный.

Самойлов стыдливо потупил глаза в пол и нервно застучал пальцами по столу.

– А теперь, – продолжил главный, – Я вас попрошу удалиться с заседания и оставить свои координаты для связи у секретаря на выходе, мне нужно поговорить с присутствующими коллегами тет-а-тет.

Не успели за нами закрыться двери, как я услышала отборный военный мат за своей спиной. Главный генерал принялся объяснять своим подчинённым на доступном для них языке, почему нельзя превращать важное заседание по вопросу новейших научных разработок в фарс и балаган, даже если на кону чья-то потенция или лысая голова.

Часть пятая.
«Начало конца»

Свершилось – нам дали много денег. Очень много. Так много, что от количества нулей в графе «итого» рябило в глазах. Так же дали целую военную лабораторию с подчиненными, которая серьезно охранялась и зачем-то зарылась под землю на несколько этажей.

В общем, все в каноничном военном стиле: много порядка и мало толка. За каждым нашим шагом, словом и действием – теперь строго следили люди в погонах. Куча обязательных процедур, в виде заполнений ненужных журналов, бесполезных телефонных докладов, а также вечных учетов, надоедливых отчетов, неожиданных построений, сборов, эвакуационных тренировок с выносом имущества, где я должна была гордо нести перед собственной грудью свою личную именную тумбочку с двумя бирками и сургучной печатью. Я изнывала всякий раз, когда тащила весь этот милитаристский маразм вверх по лестнице на девять этажей, под суровым чеканным шагом мускулистых конвоиров.

«Военные ученые, все поте замоченные», – появилась у нас такая присказка.

Так и работали: одним глазом готовишь сырье и следишь за химической реакцией активных веществ, другим смотришь на красную лампочку сигнала тревоги расположенной

над сверхсекретной тумбочкой, куда мы складывали всю текущую документацию о проекте. Так же возле этой тумбочки было два биологических двухметровых шкафчика с автоматами наперевес, которые периодически сменяли друг друга и буравили суровыми взглядами из-под густых бровей дырки в стене, что напротив караульного поста.

Сначала мы хотели повесить им какой-нибудь журнальчик на гвоздик, чтобы ребятам нашлось хоть какое-то развлечение в обездвиженном молчании, но потом засомневались в их умении читать, а глянцевые картинки с молодой Памелой Андерсон в купальнике, почему-то сразу запретили. Так и стоят наши гвардейцы, подпирая рельефными пятыми точками нашу тумбочку, словно кремлевскую стену. Постовая служба сложна тем, что в ней нужно уметь отключать мозг и всяческие потребности в жизнедеятельности, поэтому там служат особые солдаты, с принудительной кнопкой отключения функциональности, обратная активация которой происходит строго по сигналу тревоги.

Ну, а мы работали. Мне дали лучших специалистов: все по достоинству оценили серьезность и перспективы моего проекта. После смены нас развозили, и я приезжала глубокой ночью. Чесала за ушком спящего Мишку, который очень по мне скучал, пила чай с мамой, которая едва справлялась, пока была одна и уезжала вновь. Маме становилось все хуже и хуже…

Тем сильнее была моя мотивация. Темные круги от недо-

сыпа под моими глазами становились все больше, а времени все меньше. Елене так же было нелегко, кожа её стала бледной и она всё больше проводила времени в больницах и стационарах, чем с Дмитрием, который очень за неё переживал.

Прошло несколько месяцев, рьяного рабочего темпа и у нас появился прототип вируса, который мы успешно испытывали на крысах. Крыски вполне неплохо себя чувствовали и даже совсем не боялись погибнуть от какой-нибудь хвори, которую мы принудительно им вкалывали с завидной регулярностью, но искусственный иммунитет, зараза такая, всё поборол. Параллельно с нами, в другом отделе, велись работы по наладке информационно-дистанционной программы управления. Через время нам привезли подопытных обезьянок, и они так же были очень довольны своим физическим, эмоциональным и интеллектуальным состоянием с новоприобретённым безграничным здоровьем. Даже защитникам животных беспокоиться не пришлось, хотя кто бы их сюда пустил.

Пока мы готовились к очередному этапу испытаний, неожиданно объявили сбор и построение. Обычно о неожиданных сборах предупреждали заранее, с письменным занесением в календарный устав. Весь рабочий персонал зазывали в актовый зал, где мы уселись со скучными лицами, в ожидании, очередных «важных инструкций», о какой-нибудь корпоративной тайне, защите информации и персональной ответственности. К нам вышел главный генерал, а следом за

ним ещё два человека в штатском, один из которых был молодой спортивный парень, а второй…

Вторым был Барков.

– Дорогие коллеги, я поздравляю вас с очередным и успешным этапом испытаний, – начал вещать генерал, – Мы готовы объявить следующую и самую важную часть нашей программы – испытания на людях.

Наши взгляды встретились, Барков впился в меня злобным взглядом и не сводил с меня глаз, иронично улыбаясь. Почему-то среди своих работников я не нашла Дмитрия, видимо он опаздывал. Мне не нравится, что перед самым важным и ответственным этапом всей моей жизни, вновь появилась эта проклятая тень моей несчастной судьбы. Я была готова убивать, пускать кровь и потрошить кишки, но пока только грызла собственный ноготь, в ненавистной агонии, к одному из персонажей на сцене.

– Я представляю вам сотрудников военной службы безопасности, на этапе главных испытаний, они будут являться вашими кураторами. У них есть полный доступ ко всем протоколам безопасности, поэтому с ними вы можете общаться на все доступные темы и показывать все возможные документы. А сейчас давайте пройдем в лабораторию.

Мы шли по коридору: я, спортивный парень, генерал и Барков. Я незаметно поравнялась с Барковым и ткнула его под ребро:

– Ты что тут делаешь, собака сутулая?! – зашипела я как

змея на мышь.

– Тебя пришел проверить, – ответил тот в полголоса с мерзкой ухмылкой.

– Если посмеешь мне помешать, я тебя с головой в кислоте искупаю, понял?! На этот раз одной рученькой не отделаешься!

Барков ничего не ответил. Мы зашли в лабораторию, там находился Дмитрий. По его виду, я поняла, что у него что-то случилось. Он был очень потерян и пуст. Я тихонько подкралась к нему и шепнула:

– Что?

– В реанимации. Всю ночь боролись. Утром пришла в сознание, но плохо всё, надо что-то делать, Даша, я теряю её.

– Я поняла.

Ко мне обратился спортивный парень:

– Вы Дарья Сергеевна?

– Да.

– Мне зовут Боев Роман Николаевич, я сотрудник службы безопасности, а это Барков Александр, он из военно-медицинской лаборатории, мой консультант.

Ага, значит эта скотина Барков, тут вовсе не главный. Вшивенький консультантишка, который напросился на службу, как только узнал, куда и к кому поедет, – подумала я.

– Дарья, когда вы приступите к испытаниям на людях? Вы готовы? – спросил генерал.

– У нас готово две вакцины, – сказала я.

– Погодите, – вдруг взял слово Барков, – я считаю, что нам не нужно спешить со всем этим. Еще не факт, что подобный проект вообще безопасен, животные совершенно не показатель. Нужно все делать с толком и расстановкой. Создать испытательную комиссию, назначит главных и ответственных людей за контроль, я буду строго следить за каждым этапом, но сперва мне нужно ознакомиться со всей документацией проекта. Проверить соответствие помещений и надлежащего качества оборудования. Провести регламентные работы о проверке систем пожарной безопасности, систем принудительной вентиляции, экстренной эвакуации…

Дмитрий с ужасом слушал то, что говорит Барков. Я все поняла, это гнусное существо здесь с одной целью – завернуть мой проект. Признать его провальным, а меня профнепригодной.

– Позовите сюда программного инженера, – сказала я сквозь зубы, не сводя глаз с мерзапакостной морды, который ещё что-то бубнил об уровне сейсмостойкости подземной лаборатории.

Дмитрий набрал номер информационно-технологического контроля, а через минуту к нам зашел Геннадий, главный инженер по связи и телеметрии программных устройств, для вируса.

– Включайте программное обеспечение, – сказала я Геннадию.

– Дарья? – с опаской спросил меня Дмитрий, – ты чего

задумала?

– Включайте! – крикнула я и топнула ногой от ярости.

Геннадий подключил всю диагностическую аппаратуру и удивленно уставился на меня. Барков заткнулся и с хитрым прищуром пытался разгадать мой маневр, но было поздно. Я достала ключи из кармана, открыла стеллаж с вирусной вакциной и одним движением вколола её себе в бедро.

– Даша! – кинулся Дмитрий ко мне, но не успел остановить.

– Вот тебе твои испытания! – крикнула я Баркову и бросила стеклянный шприц ему под ноги, который тут же разлетелся на мелкие осколки.

Тот взвизгнул, и опасливо отскочил в сторону, поджав ноги.

Генерал открыл от удивления рот. Роман, пытаясь понять, что происходит вокруг, прижал руку к поясу, на котором, видимо, висела кобура с пистолетом.

У меня помутнело в глазах, подкосились ноги, и я рухнула на пол.

Дмитрий быстро поднял меня и отнес на медицинскую кушетку.

– Группу реанимации сюда! – крикнул Дмитрий Роману и Баркову, – Код вакцины 22-12! Соединяйся, говори данные! – сказал он Геннадию.

Роман подскочил к внутреннему телефону и, найдя нужный номер под ним, вызвал реанимацию. Барков не сдвинул-

ся с места. Генерал, молча сопел открытым ртом.

– Телеметрия в норме, идёт последовательное развитие, повышается реакционная составляющая, занижается пульс, она теряет сознание, – начал говорить Геннадий.

Я увидела тревожное лицо Дмитрия над собой, который что-то мне говорил, но уже не смогла понять, что именно. Меня накрыло темной пеленой, и я потеряла сознание.

Часть шестая.
«Друг»

– Ну, наконец-то! – услышала я знакомый голос.

Открыв глаза, я увидела улыбающегося Дмитрия.

– Мы боялись за тебя, – добавил он.

– Сколько прошло времени? – спросила я хриплым голосом.

– Два дня с момента геройства.

– Как Елена?

– Плохо, – ответил Дмитрий тихо, – Ты не переживай. Набирайся сил, отдыхай, тебе нужен покой.

– Дима! – громко сказала я.

– Что?

– Что с Еленой?!

Дмитрий, молча, отошел в сторону.

– Три-пять дней и всё.

– Тогда о каком покое ты мне говоришь?

Я посмотрела на панораму слежения за вирусом.

– Все прижилось и активировалось. Он работает… – тихо сказала я.

– Да, ты большая умница, у тебя все получилось.

– У нас получилось, – добавила я.

– Дима, надо спасать Елену, – сказала я и села на край кушетки, – Немедленно.

Дмитрий подошёл ко мне и сел рядом.

– Даша, – сказал он, – Послушай меня внимательно. То, что ты сделала, означает лишь одно, через несколько дней, за этой вакциной здесь выстроится очередь. Если мы сейчас спасаем Елену, последней готовой вакциной, следующую мы сделаем не ранее чем через месяц, а там за ней начнется настоящая охота из всех желающих. Ты можешь не успеть спасти своих родных. Они подвинут тебя, очередь из элитных страждущих выстроится на несколько лет. Тебя отсюда не выпустят. Ты всё им доказала, но это было очень опрометчиво.

Я помолчала и ответила:

– Вези Елену, пока не поздно. Прямо сейчас вези. Мы сделаем это сегодня, пока есть возможность.

– Ты уверена? – спросил Дмитрий.

– Да. Завтра они уже будут здесь и возьмут нас под контроль, – ответила я.

– Я боюсь за твоих близких. Боюсь, что завтра, они объявят всему миру о чуде и здесь выстроится очередь из олигархов.

– Я сделала глупость, я знаю…

– Не кори себя. Этот Барков, кто он для тебя?

– Исчадие ада. Он бы нас закрыл или просто подставил, сделал бы все, чтобы я страдала, чтобы у нас ничего не получилось. Барков с детства ненавидит меня. Нам нужно спасать своих родных, и мы начнем с Елены, её нужна срочная

помощь. А дальше будем драться.

– Я не брошу тебя, Даша.

Дмитрий приобнял меня и чмокнул сверху в рыжую копну. Моё лицо слилось в единой цветовой гамме с рыжими волосами, как будто я хамелеон.

– Вечером я привезу Лену и начнем. Пока отдыхай.

– Нет, я пока подготовлю всё. Я в норме, не переживай. Барков здесь?

– Нет, только Роман, он заходил, спрашивал о твоём самочувствии.

– Хорошо, – ответила я, – мне нужна моя рабочая одежда.

– Сейчас принесу, – сказал Дмитрий и ушёл.

Я осталась наедине сама с собой и прислушалась к собственным ощущениям. Во мне появилась особенность. Противоядие. Функциональная неуязвимость. Стала ли я другим человеком? Буду ли я, изменятся со временем? Не принесет ли всё это ещё больше зла в наш мир? Ведь уже сейчас я попала в окружение, совершенно неблагочестивых людей, которые вовсе не думают о спасении человечества или излечении всего мира от всех болезней. Они ведь думают только о себе. Своих шкурах и своих болячках. Они станут ещё больше воровать, наживаться и убивать всех непокорных, имея иммунитет от судьбоносного бумеранга, который как гласит придание, всегда возвращается и приносит с собой ответный жизненный посыл. Так что же я сделала? Кого я спасла? И какой ценой? Найдется ли среди них, хоть один честный че-

ловек, способный на поступок?

Дмитрий оставил мне вещи, я переоделась, и пошла готовиться к вакцинации Елены. Неожиданно в лабораторию зашёл Роман, он выглядел очень радостным:

– Ох, Дарья! Напугала ты меня, как самочувствие? Ты уже на ногах и вся в работе!

– Да, спасибо Роман, чувствую себя хорошо, а работать всегда полезнее, чем лежать, – ответила я, спрятав вакцину в руке, за своей спиной.

Роман странно покосился на полуоткрытый лабораторный шкаф и спросил:

– Что ж, рад, что у вас все хорошо. Дарья вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. Здесь я ваш друг.

– Спасибо, Роман.

– Дарья можно я задам вам вопрос?

Я напряглась.

– Вы что, знакомы с моим помощником, Барковым?

– К сожалению, да. Учились вместе.

– У вас произошёл какой-то конфликт, видимо?

– Он сам сплошной конфликт. Я бы на вашем месте, выбрала себе другого помощника. Барков совершенно ненадежный и… гнилой человек.

– Спасибо, но мне подсказали его как хорошего специалиста, а не как хорошего человека. В любом случае, я вас прошу сообщить мне, если у вас будут с ним какие-то коммуникабельные проблемы. Я всегда постараюсь их уладить,

чтобы вы не испытывали дискомфорта.

– Зачем вы здесь, Роман? – спросила я прямо и начистоту.

Роман оглядел меня сверху вниз и ответил:

– Сейчас очень важно, чтобы ваша разработка попала в нужные руки. Чтобы не произошло утечки информации и технологии. Я здесь для этого. Диверсанты и предатели никогда не дремлют.

– А вы уверены, что она попадёт в хорошие руки? И будет доступна всем желающим?

– Этого я не знаю, к сожалению, – развел руками Роман, – Что же до рук, то ваша разработка уже стала собственностью государства, если вы ещё не поняли.

– Уже поняла.

– И каждая вакцина на счету, – добавил Роман, покосившись на мои руки за спиной.

– И это я тоже поняла.

– Что ж, сегодня я буду на ночном дежурстве, вы до какого часу планируете работать?

– До поздней ночи.

– Хорошо. Как только закончите, я отвезу вас домой, в целостности и сохранности.

Роман повернулся к двери, чтобы уйти.

– Спасибо, я на такси спокойно доберусь сама, – добавила я в след.

– Нет, Дарья, не доберетесь, – развернувшись вполоборота, сказал Роман, – Никаких такси и внешних контактов.

– Я что в рабстве?

– Нет, вы под чуткой, личной охраной. Вы сейчас самый важный и нужный человек на планете Земля. Мы не можем доверить вашу безопасность какому-то таксисту.

– А могли бы и таксиста подменить.

– Могли бы. Но я хочу, чтобы наши отношения строились на честной основе. Ведь мы с вами оба в этом заинтересованы, не так ли? – он вновь покосился мне на руки.

– Конечно, – согласилась я.

Он вышел, и я выдохнула с большим облегчением. Ох, как тяжело с такими вежливыми и интеллигентными Романами. Всю душу мою облапал, всю просканировал, назвался другом, нагнал страха и ушёл довольный. Таких друзей надо за два квартала обходить. Через час приехал Дмитрий и Елена. Елена была очень бледна и плохо выглядела. Как только она зашла в лабораторию, она кинулась ко мне в объятия.

– Дашенька, – сказала она тихим голосом, едва сдерживая слезы.

– Как ты? – спросила я глупо, первое, что пришло на ум.

– Ты большая умница, слышишь? – сказала она. – Сильная и волевая. Тебя ждёт великое будущее. Никому не верь, слушай только себя, своё сердце. У тебя всё получится. Всё при всё, слышишь?

Теперь и я была готова расплакаться. Прямо вот тут же захотелось обмякнуть, шлепнуться попой об плитку, обняться с новой подругой и завыть по-бабски, от непонятной тоски

и нарастающего ужаса.

– Спасибо, – сказала я, общипывая свою ляшку, чтобы не заныть сильным и волевым плачем в три ручья.

– Тебе спасибо, – прошептала она в ответ и начала кашлять.

– Начнём? – спросил Дима.

Я кивнула.

Мы переодели Елену в операционную рубашку, и я стала готовить тесты. Да, перед вакцинацией, нужно провести тесты и откалибровать все триггеры, а не колоть вирус себе в бедро, с резким, амплитудным замахом, словно дикарь, с криком «Банзай!».

Как только мы закончили с Дмитрием все процедуры, а на часах уже была глубокая ночь, дверь лаборатории открылась чужим ключом, и в операционную зашёл мой новый «друг» Роман…

Сделав пару шагов, он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

– Здесь стерильно, вам сюда нельзя, – сказала я, пытаясь делать сосредоточенный вид, понимая, что нас раскрыли.

– Мне везде можно, Дарья.

Дмитрий сделал шаг в его сторону, Роман положил руку на кобуру пистолета привычным движением:

– Оставайтесь на своем месте, Дмитрий, – сказал он, – Дарья, что вы собираетесь делать?

Я посмотрела на Диму. Тот подавленно потупил глаза в

пол. Как тогда, на нашем первом собеседовании, при нашей первой встрече. Елена тяжело закашляла. Дима принялся вытирать ей кровь.

– Вы собираетесь вылечить, её последней вакциной, – сам догадался Роман.

– Мы сделаем ещё, – ответила я, – это пробные вакцины, мы должны их как следует испытать и все перепроверить, – стала я оправдываться как провинившиеся школьница, перед директором.

– Дарья, почему вы не поставили меня в известность о своём предприятии?

– А что, должны?! – спросил Дмитрий с вызовом.

– Обязаны. Каждая вакцина – это собственность государства. Это сделано на деньги, которые вам не принадлежат. И распоряжаться ей можно, в строгом порядке, который определяют люди сверху.

– Какие люди?! – возмутилась я, и меня понесло, – Этими толстыми генералами? Кого они станут лечить кроме самих себя?!

– Дарья, – спокойно сказал Роман, – отдайте мне вакцину, пожалуйста.

Я схватила шприц и сжала его за своей спиной.

– Нет, – ответила я. – Ни за что.

Роман вытащил пистолет.

– Дарья? – спросил он тихо. – Не совершайте глупость.

– Стреляй, – сказала я, сама не понимая, что говорю, –

Убей же ну! Всех здесь перестреляй! Защищай своих дармоедов! Её никто не спасет! Никто! Завтра здесь будет очередь из богатых слюнтяев, жаждущих вылечить свою простату и лысину! А о ней, никто не позаботится! И она умрет через несколько дней! И мой брат умрет так же и мама! И никто не станет их лечить! И об этой вакцине никто знать не будет, кроме элитного селебрити, что мечтают о вечной жизни! Думаешь, я не понимаю, почему вы здесь все держите в секрете?! Думаешь вам всё можно?! Я не хочу жить в таком мире, где каждая тварь с пистолетом готова убивать, ради спасения жирных богатеев! Стреляй! Ну?! Чего ты ждешь?!

– Даша! – сказала Елена слабым голосом, – Не надо! Пусть он забирает вакцину. У тебя все равно есть шанс вылечить своих родных. Отдай ему. Ты сможешь найти способ, ты важнее нас. Они пойдут на уступки, отдай, пожалуйста.

– Даша, – начал Дмитрий…

– Заткнитесь, все, – сказала я с ненавистью, – Просто заткнитесь и дайте мне сделать свою работу.

Я повернулась к Елене и подключила шприц к катетеру. Потом медленно стала вводить вакцину, ожидая выстрела и огромной дымящейся дыры в своём затылке вместо улетевших на стену мозгов. Но выстрела не произошло. Дмитрий в тишине и молчании следил за показаниями телеметрии. Я сняла перчатки и обернулась. Роман подпер стену плечом и, убрав пистолет в кобуру, следил за моими действиями.

– Спасибо, – прошептала Елена, посмотрев в его сторону.

Прошла всего одна минута тишины, длиною в бесконечность. Я смотрела на монитор, сравнивая показания, и ждала, что будет дальше. Иногда человека ставят перед выбором: сделать поступок с риском для жизни или не сделать его вовсе, изменив тем самым собственной судьбе.

Я свой выбор сделала.

– Дарья, – сказал Роман. – Теперь вы едете домой. Я отвезу вас. Дмитрий может остаться и следить за Еленой.

– Езжай, – сказал Дима, – тебе надо отдохнуть. Я справлюсь.

Мы ехали в полной тишине, только тихо играло радио. Я не говорила адреса, он всё знал и так. Я всё пыталась понять его, что он за человек, но таких как он, понять было сложно. Приехав к дому, я вышла и сказала спасибо.

– Чем болеют ваша мама и брат? – неожиданно спросил он.

– Я не знаю, – ответила я.

– Сколько готовиться вакцина?

– Около месяца.

– У вас есть две недели Дарья, чтобы их вылечить. Больше я вам ничем помочь не смогу. Через две недели проведете вакцинацию своих близких. Советую вам начать с брата. Сделаете все так же, ночью. Точное время я вам скажу. И с этой минуты, вы во всём слушаетесь только меня и делаете всё так, как я скажу.

– Спасибо, я всё поняла, – поблагодарила я Романа.

– Я сказал вам, что я ваш друг. Для вас это были просто дежурные слова. Но я офицер, человек чести, такой же, как ваш погибший отец. Мы спасем ваших родных, если вы успеете сделать вакцину. И ещё, никому ни слова. Я сейчас не просто ваш друг, я ваш единственный друг. Согласно моему протоколу действий, сегодня я должен был вас убить. Но вы живы. А в нашем мире, смерть не уходит просто так, она обязательно кого-то забирает. Будьте осторожны и спокойной вам ночи.

Впервые я поднималась домой с полной уверенностью, что кому-то нужна и, что меня есть, кому защищать.

Выходит, у меня действительно появился друг?

Часть седьмая.
«Рай или ад?»

Как я давно не была дома. Прошло всего несколько дней, но казалось, что прошла целая вечность. Рано утром я поцеловала спящего Мишку и собиралась в лабораторию. Внизу меня уже ждал Роман.

Ко мне вышла мама:

– Дашенька, ты всё работаешь, когда же у тебя будет хоть один выходной?

– Не знаю мама, наверное, никогда.

– Даша?

– Да?

– Даша, мне кажется, что… Что Миша болен.

Я нахмурилась.

– Что случилось?

– Он закатывает глаза и трясется. Даша, прямо как я… Иногда его очень тяжело разбудить. Мы три раза вызывали скорую, нам советовали немедленно ложиться в детскую больницу, на обследование. Я боюсь, Дашенька, – мама заплакала.

– Почему ты раньше мне не говорила?

– Когда? – развела мама руками.

И в правду, когда. Меня просто нет дома, последние полгода.

– Езжайте в больницу, – сказала я. – Пусть он будет под наблюдением. У него всё будет хорошо, я обещаю! Мне нужно бежать, мама.

– Даша! – воскликнула мама в сердцах.

– Мама, с Мишей все будет хорошо! Мне нужно бежать! У меня нет времени!

– Куда же ты?!

Я сбежала вниз по лестнице и прыгнула в машину к Роману.

– Все в порядке? – поинтересовался он.

– Нет. Гони в лабораторию. Скорее. Мне нужно работать, не теряя ни единой минуты.

– Понял, – ответил Роман и без лишних слов погнал по автостраде.

Все-таки есть у этих военных и положительные стороны. Через час я забежала к Елене, но она спала, а Дмитрий держал её за руку и спал, полусидя, положив голову на край её кровати. Я, проверив данные и удостоверившись, что с ней все хорошо, побежала в лабораторию налаживать процесс. По пути меня встретил генерал, который шёл с Романом и собакой по кличке Барков.

– Дарья! Рад вас видеть, здравствуйте! – расплылся в улыбке генерал.

– Здравствуйте, извините мне…

– Роман только что сообщил мне, что вторая вакцина оказалась бракованной, как жаль! А я собирался как раз стать

вторым испытуемым…

– Ничего, сделаем ещё, я вот как раз бегу за этим.

– Дарья, а сколько времени на это потребуется?

Барков ухмылялся. Роман ответил за меня:

– Я думаю, около двух месяцев товарищ генерал, ну не будем отвлекать важного сотрудника, у неё начало рабочего дня, в самом разгаре…

– Ох, как жаль, как жаль, ну ничего, надеюсь, не подохну за это время, – сказал генерал и попытался сам посмеяться своей солдафонской шутке.

– Можно я пойду с ней? – спросил Барков надменно, не сводя с меня глаз, – Мне интересен процесс создания. Я не стану мешать.

Я с тревогой посмотрела на Романа. Станет, сучок, ещё как станет!

– Нет, Александр, вы мне будете сейчас нужны в изучении медицинской документации. Нам предстоит все как следует проверить, за эти две недели, – сказал он, и я была готова его расцеловать, – Ну бегите, Дарья.

– Не задерживаю! – шаркнул ножкой улыбчивый генерал.

И я побежала. Старый хрен уже успел застолбить себе очередь. А Рома молодец. Как же мне с ним повезло.

Я начинаю верить в Бога. Или в проведение. В общем, в то, что вселяет надежды в нас всех.

Вновь кипит работа. Я сняла старые круги под глазами и надела новые, побольше. Дни таяли друг за другом, словно

кусочки льда на жарком теле Ким Бейсингер, в известной эротической новелле, с той разницей, что пока та наслаждалась в сладкой истоме с Микки Рурком, я получала несравненное удовольствие от трудотерапии, забыв про сон и реальность.

В разгаре второй рабочей недели, в лабораторию зашёл Роман:

– Даша, у нас проблемы, – сказал он сходу.

– Слушаю, Хьюстон? – попыталась я сохранить бодрость духа.

– Даша, Миша в реанимации.

У меня вновь подкосились ноги, я побелела и не знала, что сказать. Дима посадил меня на стул. Вот он, тот самый момент, когда у человека отнимают веру, и он падает не только физически, но и, что самое страшное – он падает духовно. Дальше только пустота и бессмыслица. Нет, нет, так быть не должно. Всё что я сделала, всё ради него! Почему, за что?! Где я успела так оступиться, что меня втаптывает в грязь моя собственная жизнь, снова и снова!

– Так, у нас почти готова одна вакцина, – сказал Дима, – Мы можем прямо сегодня, прямо сейчас что-то предпринять.

– Что с ним? – спросила я у Романа.

– Я только знаю, что он в коме и рядом с ним сейчас ваша мама.

– Надо срочно везти его сюда, – сказал Дима.

– Как? Кто нам разрешит? – спросила я в недоумении.

– Я разберусь с этим, – сказал Роман, – будьте готовы к вечеру, я привезу Мишу.

Роман открыл дверь, и я увидела, что за ней стоял Барков.

– Он всё слышал! – крикнула я и ткнула на него пальцем.

Час от часу не легче. Теперь ещё и этот всё узнал! Мне нужен пистолет Романа прямо сейчас и две обоймы, чтобы наверняка!

– Роман Николаевич, что-то я совершенно не понял вашей затеи, – начал говорить Барков, растягивая слова и не сводя с меня глаз.

– А тебе и не надо ничего понимать, Саша, – перебил его Роман, – Ты вообще где должен быть? Сидеть и бумажки медицинские перебирать. Иди в мой кабинет и жди меня там.

Барков послушно развернулся и ушёл с задумчивой, но хитрой миной. Роман повернулся к нам и сказал:

– Работайте и ни за что не переживайте, вечером я привезу Мишу, – после чего ушёл.

Дима положил мне руку на плечо:

– Пойдем готовиться, всё будет хорошо.

– Нет, – сказала я.

– Что? – спросил Дмитрий.

– Ты не знаешь Баркова. Эта тварь очень мстительна. Он всё сделает, чтобы помешать нам. Он не остановится. Надо предупредить Романа.

Я побежала догонять Романа и услышала в его кабинете

какую-то возню. Дверь была приоткрыта, и я заглянула туда.

Роман, повалил на стол Баркова и связывал тому руки:

– Я этого так не оставлю! – сопел Барков и пытался брыкаться.

– Оставишь Саша, оставишь. Не думай, что ты здесь всех умней, – спокойно отвечал Роман, силой усадив его на стул, продолжая привязывать, – Сейчас я съезжу по делам, а потом проведу с тобой разъяснительную беседу, а ты пока посидишь и подождешь меня здесь.

Роман упёрся Баркову ногой между лопаток и затягивал веревки изо всех сил. Тот кряхтел со звериным оскалом и вдруг увидел меня. Я испугалась. Зло ухмыльнувшись, он подмигнул. Я тихонько прикрыла дверь, мне стало не хорошо. Ладно, его свяжут. Зло будет наказано. Роман всё делает грамотно, ему действительно можно доверять. Кажется, он один здесь понимает, что и как нужно делать. А я лучше пойду готовиться…

Мы сидели в реанимационной палате подземной лаборатории с Дмитрием и слушали тишину. С минуты на минуту должен был приехать Роман. Я нервничала, Дмитрий молчал.

– Как Лена? – спросила я.

– У неё все хорошо, адаптируется, не переживай.

В коридоре послышался грохот тележки. Через минуту, двери отворились, и зашел Роман, следом за которым врачи прикатили лежащего на кушетке Мишу, подключенного к

мобильному аппарату искусственного поддержания жизни.

– Вы свободны, господа, – сказал Роман врачам и те ушли под присмотром военных.

Я смотрела на Мишу и не смогла удержать гадских слез. Кинувшись ему на грудь – я зарыдала. Пусть все видят, что я слабая, пусть. Я устала быть сильной!

– Даша, соберись, – поддерживал меня Дима, – нам нужно работать. У нас все получиться, всё будет хорошо.

– Даша, ваша мама дома, у неё все хорошо. Я ей всё объяснил, как смог, чтобы она не переживала и оставил дежурного врача, – включился Роман.

Еще мгновение. Еще чуть-чуть. Еще самую малость продержаться, чтобы не упасть духом и быть сильной. Держись Даша, держись, – думала я.

– Хорошо, спасибо, – сказала я, всхлипывая и утирая слезы.

– Может я сам? – сказала мне Дима.

– Нет, – ответила я со всей ответственностью.

– Если я понадоблюсь – буду у себя, – сказал Роман и ушёл.

Мы подключили Мишу к стационарному оборудованию и провели диагностику с первичной настройкой. Дима принес вакцину.

– Давай, – сказал он.

Я медленно ввела вирус, и наши взгляды устремились на показания датчиков.

– Адаптируется, – шепнул Дима, – Дальше только ждать и надеяться. Лене лучше с каждым днём, все будет хорошо и с Мишей. Я уверен, в этом.

Я тяжело вздохнула.

– Отключать от аппаратуры пока нельзя, нужно время для адаптации. Ты, когда спала последний раз? – спросил меня Дмитрий.

– Не помню, – ответила я.

– Тебе надо отдохнуть.

– Я не уйду отсюда. Я буду рядом с ним.

– Тогда я подвину тебе мягкое кресло, – сказал Дмитрий.

Я села рядом с Мишей. Дима накрыл мои ноги одеялом, принёс горячий чай и ушёл к Елене. Я осталась одна, и некоторое время смотрела на мониторы. Потом что-то щелкнуло в моей голове, и я не помню, как погрузилась в мир грез и сновидений.

Тем временем в кабинете Романа сидел Барков. Во рту у него был кляп. Казалось, что он сидит, совершенно не двигаясь, однако тот что-то напевал и даже иногда подергивался в такт своему мычанию.

– Тьфу, – сказал Барков, и кляп из его рта вылетел с такой силой, что на стене посыпалась штукатурка.

«Донесся стук, открылась дверь, и лестница заскрипела…» – начал Барков своё песнопение.

Он всё еще не двигался, как вдруг веревки на его стуле пришли в движение. Медленно расползаясь, словно полчи-

ща змей, они самостоятельно развязались и упали к его ногам.

«И с каждым шагом, скрипучий звук, все ближе и ближе к делу»

Барков встал и подошёл к двери. Одного его взгляда на закрытый замок хватило, чтобы тот податливо заговорил металлическим лязгом и немедленно открылся. Выйдя в коридор, он продолжил что-то напевать и не спеша подходил к дверям технического отдела, у которого стояли два офицера.

«И мерзкий холод проникнет вдруг, во всё твоё жалкое тело»

Едва он поравнялся с ними, как те упали навзничь, без сопротивления и потеряли сознание. Барков зашёл в отдел и хлопнул в ладоши, свет вокруг немедленно зажегся, и он открыл шкаф управления.

«Дрожит нога, дрожит рука и страх заползает по венам»

Достав оттуда контроллер и ноутбук, он ввел в базу поиска активных вирусов контрольные цифры: «22-12» и перевел ползунок «ON» в «OFF».

– Упс, – сказал он и захихикал, доставая заранее приготовленный рюкзак из-за шкафа, где уже лежала медицинская документация по проекту.

«И тень с косой мелькнёт над тобой и встанет за твоей спиной…»

Положив всё оборудование к себе в рюкзак, он, посвистывая и напевая себе под нос, спускался в реанимационную

палату. Двери реанимации приветливо открылись ухмыляющемуся Баркову. На кресле, возле медицинской кушетки Миши, лежала Даша без всякого движения. Под её ногами лежала разбитая кружка в луже разлитого чая.

Он наклонился к ней, откинул рыжую прядь волос, прикрывающую её ухо, и прошептал:

– Как-то ты не вовремя уснула, Дашенька, а жаль. Я бы хотел, чтобы ты это видела.

«Пришёл твой час, уйти со мной, пройдет коса под твоей головой»

Он медленно потянулся рукой к кнопке отключения поддержания жизнедеятельности Миши…

– Что ты делаешь Бирк?! – Миша резко вскочил и схватил его за руку, – Это не по правилам!

Лицо маленького Миши было полно решимости. Глаза его горели и полыхали оранжевым огнем изнутри, а маленькая рука жестко схватила и не отпускала кисть Баркова.

– Здесь нет никаких правил Мика! – ответил он и резким движением вырвался, после чего хлопнул по кнопке отключения.

Мониторы в один миг погасли, и бессознательное тело Миши упало на медицинскую кушетку…

– Ты всё пропустила, Дашенька, пропустила всю свою жизнь, – сказал он и захихикал.

После чего вышел из палаты, и радостно поднимаясь по лестнице, пел свою песню:

«Донесся стук, открылась дверь и лестница заскрипела.

И с каждым шагом, скрипучий звук, все ближе и ближе к делу.

И мерзкий холод проникнет вдруг, во всё твоё жалкое тело.

Дрожит нога, дрожит рука и страх заползает по венам.

И тень с косой мелькнёт над тобой и встанет за твоей спиной…

Пришёл твой час, уйти со мной, пройдет коса под твоей головой.

И полетит душа твоя, в неизведанные края, где будут ждать тебя весы, так в рай или ад отправишься ты?..»

Глава вторая.

Предусловие.
«Спор Богов»

И всё?

Я умер?

Я посмотрел на председателя комиссии. Тот сидел и что-то записывал, сосредоточенно вдавливая ручку за каждым словом. Мне вспомнился рыжий кот Ньют. Да он же дважды ссал мне на тапки, после того, как я огрел его по ушам газеткой, чтобы тот не драл диван. А потом котик смотрел на меня своими разноцветными глазами и ластился, мурлыкал. Хороший был кот. Проказник конечно, но хороший, понимающий. Я улыбнулся и ещё раз взглянул на председателя. Тот мельком взглянул на меня своим разноцветом, схмурил брови, не поняв моей улыбающейся иронии, и принялся писать дальше.

Как же тут тихо.

Я посмотрел на Мику. Она была чем-то напряжена и безотрывно смотрела в одну точку своими теплыми оранжевыми глазками.

С оранжевых глаз я перешёл на холодные, голубые и ко-

лючие. Бирк ухмыляясь, смотрел на меня и следил за моими наблюдениями.

Пекта на собрании не было.

– Где Пект? – спросил председатель, отложив бумагу и ручку в сторону.

– Он остался там, – ответил Бирк.

– Почему? – спросил председатель.

– Сказал, что не будет менять персонажа в следующей сессии.

– А ты чего вышел?

– А я буду. Или нет. В общем, я ещё думаю. Вы-то все, кажется, умерли? – улыбался Бирк.

– Бирк, какого хрена ты меня убил?! – с вызовом спросила Мика.

– Мика поспокойнее, – сказал ей председатель.

– А что такого? Ты сама рисковала, когда зашла в круг семьи испытуемого, – невозмутимо ответил Бирк.

– Так может у меня был на это свой план? Что ты вообще себе позволяешь? Почему ты нарушаешь правила?

– Ой, да какие? – возмутился Бирк позевывая, – Ты вообще в коме была, по сценарию, а полезла защищаться.

– Да, полезла! Потому что ты не мог самостоятельно развязаться и вскрыть замки, будь ты простым ролевым персонажем!

– Но я ведь не простой персонаж! О чём мы вообще говорим, уважаемый председатель? – спросил его Бирк.

– Я думаю, вы говорите о нормах приличия, но они у каждого свои, как водится, – ответил председатель.

– Вот именно! – ответил Бирк. – Если кому-то не нравится моя игра, он может просто не заходить в следующий тур и всё!

– Нет уж, я зайду Бирк. Я обязательно зайду, – сказала Мика тихим голосом.

– Я так понимаю, что кандидат прошёл первый тест? – спросил председатель.

– По вопросам ответственности, у меня к нему вопросов нет, – сказала Мика, – Прошёл.

– Что ж, – взял слово Бирк, – Я считаю, что поступок с первой вакциной был абсолютно безответственным, но в целом можно поставить зачёт, авансом.

И почему я так его ненавижу? – думал я, – И как он вообще убил меня? Что там произошло? Отравил чаем?

– Испытуемый, тяните следующий билет, – сказал мне председатель.

Я подошёл и взял билет.

«Самопожертвование» – озадаченно прочитал я.

– О как, – сказал председатель, – Да, не легкие у вас судьбы. Ну, ничего, это потом зачтется.

– Это что значит, – сказал я, – Мне опять погибать в расцвете сил?

– Ну не обязательно. Всяко может сложиться, – ответил председатель.

– А вам что, не понравилось? – спросил Бирк издевательски.

– Бирк! – возмутилась Мика.

– Ну что, что опять дорогая наша Мика?

– Ты не мог бы, немного, просто немного помолчать, а?!

– Всенепременно! – ответил Бирк самодовольно.

Что-то меня стало накрывать, и я вдруг выкрикнул в сердцах:

– Убийца! – и зло посмотрел на Бирка.

Повисла неловкая пауза. Тот немного помолчал, прожигая меня ненавистным, колючим взглядом и медленно проговорил:

– Ты даже не представляешь, сколько горя тебя ждёт впереди, дружок. Хапнешь ты там по полной, на своей жалкой планетке, это я гарантирую. Мы уже давно в финале, это ты всё еще здесь. Я уничтожу тебя, растопчу и выпотрошу как щенка. Ты не пройдешь за эту дверь, обещаю. Для меня это станет делом принципа, а для тебя уроком, как не нужно разговаривать с теми, кто сильнее.

– Это мы ещё посмотрим Бирк, – сказала Мика. – Ещё ничего не решено и ты ещё ничего не выиграл, не надо его запугивать.

– Слушайте, – сказал я, начиная заводится, – А бывают вообще билеты типа там счастье, гармония, нефтяной магнат, сын депутата, звезда футбола? Обязательно мучатся в муках? Почему на моей планете все пытаются меня убить,

пока я тихо страдаю и никому не мешаю?

– Если ты не заметил, не только тебя и вовсе не все, – ответила Мика.

– Так хватит болтать, пол мужской, возраст молодой, поехали, – быстро проговорил председатель, и моё сознание вновь потеряло контроль.

Часть первая.
«Месть»

– Ты будешь кушать или нет? – спрашивал я своего бесстыжего рыжего кота, пока тот с отвращением пырил в миску разноцветными глазами на «Розовое филе лосося, под нежным сливочным соусом, с базиликом», – Давай уже, решайся, мне надо уходить.

Тот поскрёб лапой, словно закопал экскременты в собственном лотке, снисходительно на меня посмотрел и ушёл смотреть в окно на пролетающих голубей.

Подлив любимому котику свежей водички, я вышел из дому. У меня зазвонил телефон:

– Да, Дмитрий, слушаю вас.

– В десять кремация, в два захоронение, – сухо сказали мне.

– Хорошо, спасибо, постараюсь быть. У вас всё хорошо? Как Елена? – спросил я, но вместо ответа раздались короткие гудки.

Сев в машину и проехав несколько улиц, я приехал в комендантское управление. Наверху, за широким столом, уже сидел генерал Громов.

– Садитесь, Боев, – сурово сказал он, и двери совещаний закрылись за моей спиной, – Докладывай.

– Старший научный сотрудник проекта – мертв. Оставша-

яся вакцина уничтожена. Мой помощник, из военно-медицинской академии, пропал без вести. Документация по проекту похищена.

– Вскрытие проводили? – спросил Громов.

– Так точно. Предварительная версия – неудачная адаптация вируса и электротехнический сбой программного управления.

– Что с Барковым?

– Я найду, его товарищ генерал, далеко не уйдет.

– Уйти-то, не уйдет, а документы-то тю-тю. Продаст их, схватит политическое убежище и думай потом, как его оттуда вытащить.

– Найду, товарищ генерал, найду.

– Боев, ты понимаешь, как меня подвел? Я должен дать результат через месяц! У меня очередь выстроилась отсюда и до мавзолея за инъекцией! Деньжищи, какие вложены! Если кто узнает, что нас кинул твой вшивый адъютант, а девица-изобретатель погибла от собственной дурости, нас с тобой ждут только допросы в подвалах управлений!

– Понимаю, товарищ генерал, но сейчас нужно доложить, что испытания на человеке пока не готовы и требуется время.

– Я Боев, без тебя разберусь, что и кому докладывать. Ты меня не учи. Старый хрен Авдотьев вчера мне фотографию с новой любовницей прислал, знаешь, сколько ей лет? Девятнадцать. А что, говорит, сейчас мне укольчик сделают и

вспомню молодость! Потешаться буду. И смеется! Смеется, Боев! А нам с тобой только плакать останется. Ты, правда, сможешь его найти или по ушам мне чешешь?

– Найду, найду товарищ генерал.

– Сам или помощь дать?

– Пока не надо, я сам.

– Что с проектом теперь?

– Старшим будет Ковалёв Дмитрий.

– Он сможет вакцину сделать?

– Думаю, нет. Нужны ученые-технологи и рабочая документация по проекту.

Громов стукнул по столу кулаком и ругнулся, после чего, почесывая усы, он встревожено произнес:

– Рома, ты понимаешь, что я до сих пор с тобой не через тюремную решетку разговариваю, только потому, что мне за всё это, собственные причиндалы оторвут? Мне причиндалы, а тебе тюрьма, Рома.

– Я найду его, товарищ генерал, найду. Найду, верну документацию, и мы возобновим проект, – повторял я снова и снова пытаясь успокоить старика.

– Как он мимо караула прошёл? Почему сигнализация не сработала? Как он вынес проект, взломал замки, обошёл периметр безопасности, как Рома? Как, если он простой зеленый студент, после института?! – надрывался генерал.

– Я думаю, его завербовали ещё со студенческой скамьи. Я отработаю все контакты. Он был профессионалом, тут спору

нет, человек подготовлен и обучен, типичный диверсант.

– Работай Рома, работай. Лучше тебя у меня всё равно никого нет.

– Всё сделаем, – сказал я в очередной раз и, выйдя из зала совещаний, вновь плюхнулся в машину.

Положив рабочую сумку на пассажирское сиденье, я увидел длинный рыжий волос, который взмыл вверх вместе с пылью потоком воздуха и плавно опустился мне на руку. Он красиво переливался яркими огненными оттенками на полуденном солнце, заигрывая пёстрым колером в серой будничной среде, напоминая всем вокруг, как легко и быстро, может потухнуть огненный человек, в холодном и жестоком мире.

Я аккуратно снял волос Дарьи пинцетом и положил его в пакетик с документами, в котором лежала папка с фамилией и фотографией Баркова.

– Убью суку, – сказал я и помчал по улицам за город, где располагалось кладбище.

Церемония уже прошла, я опоздал. Вокруг памятника лежали похоронные венки: «от мамы», «от коллег», «от родных», а на самом памятнике была фотография счастливой улыбающейся Дарьи в обнимку с маленьким Мишей.

Я положил цветы с черной тесьмой, на которых было написано: «от друга» и огляделся вокруг. А нет ли здесь того, кто питается чужой болью и ненавистью? Такие шизоидные как он, любят стоять в стороне и упиваться чужим горем, на

фоне собственных побед.

Но вокруг никого не было, кроме единственного автомобиля, стоящего на выезде из городского кладбища в метрах двухстах от меня, в котором кто-то сидел. Главное, не спугнуть. Я достал платок и, изображая, что вытираю слезы, неспешно подходил к своей машине, стараясь не смотреть в сторону незнакомца за рулем. Сев в машину, я быстро достал из бардачка бинокль и направил его на таинственный силуэт.

Прямо на меня смотрел Барков…

Бинго!

Глаза Баркова округлились от неожиданности, и он судорожно задергал руками, пытаясь быстро ретироваться. Я кинул бинокль, завел машину и бросился в погоню.

– Насколько ты подлый, настолько и тупой! – ругался я и быстро приближался к Баркову.

Тот наконец-то смог тронуться и рванул по шоссе. Я догнал его и записал номера автомобиля. Мы летели с большой скоростью, город стремительно приближался, впереди был регулируемый перекресток. Я вытащил табельный пистолет и приготовился стрелять по колесам, как вдруг, из-под капота моего автомобиля, пошёл густой черный дым.

– Нет, нет, нет! Только не сейчас! – кричал я.

Машина быстро потеряла ход и остановилась. Я выскочил и увидел, как стремительно уезжал от меня Барков. Стрелять? Нет. Убив его, я потеряю выход на важные документы, которые он, возможно, передаст своим заказчикам. Он мо-

жет быть только исполнителем, калибр для таких дел не тот.

Наклонившись под авто, я увидел, как из двигателя капает масло. Как это случилось? Новый автомобиль, ещё обкатку не прошёл. Прямо наваждение какое-то. Что-то не клеится. Если это диверсия, то, когда он успел? И всё так тонко продумал? А если случайность, то я отказываюсь в это верить. Не может одному мерзавцу, так беспорядочно во всём везти, не может!

Внезапно я услышал громкий стук, визг тормозов и лязг железа. На перекрестке, в трёхстах метрах от меня, стояло два автомобиля, попавшие в аварию, один из которых был… Баркова!

Я схватил из своей машины папку с документами и принялся бежать к месту аварии. Далеко не уехал! Барков медленно вылез из своей машины, держась за живот. Из другой машины выбежала девушка и что-то кричала. Я бежал изо всех сил. Раздался смех. Мне показалось, что Барков смеялся, пока девушка орала и подходила к нему. Сблизившись с Барковым, она чем-то его ударила по голове. Он упал и продолжил громко хохотать. Девушка все била и била его каким-то тяжелым металлическим предметом, продолжая кричать в агонии.

– Нет! Стойте! Нельзя! – кричал я, но она не останавливалась.

Я достал пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Девушка остановилась и посмотрела в мою сторону. Барков

остался лежать на земле. Я подбежал с тяжелой отдышкой и подскочил к Баркову.

Тот улыбался кровавыми зубами и кряхтел. Из разбитой головы текла кровь.

– Где документы?! Где они?! – кричал я, тряся тело Баркова, под головой которого образовалась кровавая лужа. Рядом с ней лежал баллонный ключ.

– Ахаха, – смеялся Барков и кашлял кровью, – Лучшая смерть! Лучшая смерть, какую только можно придумать! Давно я так не умирал! Ключом! Она забила меня ключом!

– Заткнись! – крикнула девушка и вновь схватила ключ.

– Нет! – крикнул я и успел остановить её руку, в резком замахе, – Отойдите!

– Убийца! Он убийца! Он вылетел на красный свет! У меня в машине маленький ребенок!

– Отойдите, пожалуйста! Он опасный преступник, а я сотрудник государственной службы безопасности, вы мешаете мне! Идите к ребенку и вызывайте скорую помощь.

Девушка отошла. Я посмотрел на Баркова.

– Ты снова проиграл Боев, – прошипел он с довольной ухмылкой.

– Сдохнуть собрался? Не переживай, скорая помощь уже в пути. Сейчас я тебе ещё голову твою больную перевяжу, чтобы всё дерьмо из неё не вытекло.

– Ахаха! Нееет, это не тебе решать, они не успеют. Не успеют…

– Где документы, придурок?

– И ты не успел, – сказал Барков, и глаза его стали закрываться, – Снова, снова проиграл. Нельзя обмануть смерть…

– Отправляйся в ад, ублюдок.

– До скорой встречи, – Барков улыбнулся напоследок, потерял сознание и остался лежать с блаженной улыбкой.

Когда люди умирают, они делятся на две категории: тех, кто умирают и тех, кто подыхают, и люди эти, как правило, совершенно разные.

Барков сдох.

Где-то послышался звук, приближающийся сирены кареты скорой помощи.

– Он что умер? Меня теперь посадят в тюрьму? – услышал я сзади голос девушки и обернулся.

Темненькая брюнетка. Оранжевые глазки, острые ушки, хрупкая, маленькая, а так много в ней буйной, неутомимой страсти. Она держала на руках маленького грудного ребенка, которого так отчаянно защищала. На её руках и лице были капли крови Баркова.

– И что мне теперь с тобой делать? – спросил я в отчаянии.

– С нами, – улыбнулась девушка и покосилась на ребенка, – С нами делать.

Это выглядело дико. Только что она была тигрицей, разорвала в клочья свою жертву, ещё капли крови на лице не высохли, а теперь, она как трепетная лань, щебетала со своим ребенком.

– С ним всё хорошо? – поинтересовался я, кивнув на ребенка.

– С ней, – шепнула девушка, – её зовут Даша, моя Дашенька, – произнесла она с нежностью и прижала её к себе.

– Наваждение, просто наваждение, – пробормотал я, глубоко вздохнул, померил пульс на шее Баркова, записал время смерти и вызвал оперативную группу.

Часть вторая.
«Последний герой»

Двери изолятора временного содержания открылись и чей-то строгий голос произнес:

– Боев! На выход!

Я вышел. За дверьми стоял сержант и встревоженный генерал Громов. С меня сняли наручники, и мы вышли на улицу.

– Боев, – начал говорить генерал. – Я в замешательстве. С одной стороны, ты его очень оперативно нашёл, с другой стороны, ты так же быстро его зачем-то ликвидировал. Да ещё и баллонным ключом, как-то это…непрофессионально. Но знаешь, мне плевать на всё это. Я знаю, что ты специалист, но сейчас я хочу знать только одно, ты нашел документы?

– Я вышел на финальную прямую, мне нужно ещё немного времени, – сказал я и пошел к своей новой машине.

– Боев? Ты точно уверен в том, что ты делаешь? – спросил генерал с опаской.

– Абсолютно! Вам не за что переживать! – крикнул я и сел в авто.

Конечно, есть за что. Документов при нём не было. А это значит, что он уже был пуст и успел их сплавить за кордон. Для генерала нет абсолютно никаких причин, волноваться за свои причиндалы, теперь их, несомненно, оторвут. Слиш-

ком большие деньги и слишком большие надежды были поданы властителям судеб, чтобы нас просто так закопали за это живьём, нет, нас будут умерщвлять прилюдно, с большой фантазией и выдумкой, открыв и перечитав при этом книгу истории средневековья, на странице «Пытки и другие развлечения богемы», для разгара энтузиазма. Возможно, даже историческое лобное место откроют ради такого дела, и поставят камеры центрального телевиденья, для реалити-шоу, на тему: «Дебилы, что потеряли нашу вечную молодость»

Ладно, пора навести своих друзей, может они наведут меня на какую-нибудь мысль. Я подъехал к дому Дмитрия и постучал в дверь его квартиры, которую открыла Елена:

– Ох, Роман, как неожиданно, – сказала она.

– Здравствуйте Елена, извините, что я без предупреждения, – попытался я изобразить вежливость.

– Ничего страшного, проходите, – ответила она.

Я зашел. Из кухни появился Дмитрий, мы поздоровались.

– Мы как раз чай пьём, будете с нами? – спросил он.

– Не откажусь, – ответил я.

Я прошёл на кухню. Дмитрий поставил на стол сладкое угощение – печенье, конфеты. Елена наливала чай, на стене работал телевизор, показывали выпуск новостей.

– Как ваше здоровье? – спросил я Елену.

– Чувствую себя хорошо, спасибо – ответила Елена.

– Мы сделали комплексное обследование, она полностью здорова, – добавил Дмитрий.

– Вы не смогли приехать на похороны? – спросила Елена.

– К сожалению, я опоздал, – ответил я, – Мы немного разминулись с вами.

– Понимаю, дела, – ответила Елена и покосилась на Дмитрия, после чего тот спросил:

– Есть какие-нибудь новости?

– Мы очень переживаем, – добавила Елена.

– За что? – спросил я.

– Но ведь… – начала говорить Елена и смутилась, – Это ведь Барков убил Дашу?

– Определенно, – ответил я.

– И Мишу? – спросил Дмитрий.

– И ребенка тоже, – ответил я.

– А каким образом? – спросил Дима.

– Ну, ты ведь знаешь, – сказал я Дмитрию прямо, – Знаешь лучше меня, что он сделал.

Я не понимал, почему он не хочет говорить об этом, открыто и что за таинства тут вырисовываются. Всё было слишком очевидно, и мы оба хорошо понимали, что там произошло и чем это всё грозит. Чего строить дураков?

– Я только догадываюсь, – развел Дима руками.

Елена напряглась.

– Я правильно понимаю, Барков может просто отключить меня через программное обеспечение, которое он украл? – спросила Елена.

Я посмотрел на Диму, тот напряженно молчал. Видимо он

не хотел ей об этом говорить. Но отвечать должен он, а не я. Не хорошо прятать правду, за своими чувствами. Хотя я плохо соображаю в амурных делах, не в пример уголовным.

– Дима? – спросила Елена вновь.

– Я думаю, – начал Дмитрий, – что мы в процессе создания, не подумали о самозащите. Мы ошиблись, и у программы обнаружился серьезный изъян. Все процессы, которые подчиняет себе искусственный иммунитет, внедренный вирусом, контролируется сеткой программы. Но беда в том, что при деактивации, вирус не саморазрушается, восстанавливая все жизненные циклы с цифрового на биологический контроль обратным переводом, а просто разрушает всё, что создавал, поддерживал и регенерировал. Одним махом, напрочь, он убивает человека при отключении.

– Здорово, – добавил я. – Человеческая жизнь теперь, во власти рубильника. Это теперь каждому нужно за спиной рюкзак с батарейкой таскать.

Дмитрий зло посмотрел на меня:

– А вы Роман не ёрничайте. Не мы упустили Баркова и создали ему возможность натворить дел. И если бы вы, дали нам спокойно работать, а Дарья была бы жива, мы бы смогли усовершенствовать систему, доработав её. А теперь она, – он показал на Елену, – во власти какого-то психопата.

– Барков мёртв, – ответил я холодно.

– Как?! – с трепетом спросила Елена.

– Вчера был ликвидирован, – ответил я.

Елена кинулась ко мне в объятья, Дмитрий засиял:

– Вот это уже хорошая новость, Роман! Вы просто…просто профессионал! Беру свои слова обратно! Значит, мы можем работать дальше?

– Не можете, – ответил я.

– Почему?! – спросили в один голос Дмитрий и Елена.

– Потому что документации при нём не оказалось, как и оборудования.

– И? И что это значит? – с тревогой в голосе спросила Елена.

– Об этом я и хотел с вами поговорить Дмитрий. Как Барков мог узнать, что вирус, при деактивации, убивает носителя?

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Дмитрий раздраженно. – Что я его соучастник?! Вы серьезно?!

– Дима, тише, – попросила Елена и погладила его за плечо.

– Дмитрий, я просто спрашиваю вашу версию, как специалиста. Я далек от медицины.

Дмитрий сел на стул и выдохнул, после чего сказал:

– Насколько я знаю, у него был доступ ко всей документации, возможно, он оказался умнее, чем мы могли с вами предположить и заранее всё просчитал. Мы ведь работали без тестов, всё на скорую руку.

– А что, если он, эти документы копировал и отправлял своим заказчикам? А те, в свою очередь, всё проанализиро-

вали и дали ему свои рекомендации, – предположил я.

– Ну, или так, – почесал голову Дмитрий. – Ваша версия более реальна. Я не силен в таких вещах, тут вы мэтр.

– А это значит, что документация уже давно передана, а электронный девайс связи и управления, контролирующий вирус, они могут сделать и сами, если им позволяют технологии.

– Вполне, – подтвердил Дмитрий мои догадки.

– Тогда, зачем им нужно было убивать Дарью? – спросил я Дмитрия и Елену.

– Вы нам ответьте, мы все равно ничего не понимаем, – ответила Елена.

– Ну же Холмс, – добавил Дмитрий.

– А затем, что они уже сами сделали свои вакцины, по переданным документам. И Дарья, осталась единственной, кто сможет это повторить. А теперь, технология только у них, вместе с проектом и готовым изделием. И Барков не нужен, он забытый и брошенный диссидент.

– Но ведь, через него можно выйти на заказчиков? – спросила Елена, – Разве нет?

– Можно, – подтвердил я и задумчиво посмотрел вниз.

– Тогда зачем вы его убили? – спросил с удивлением Дмитрий.

– А я его и не убивал, – ответил я и поднял глаза, – Не я!

– А кто же? – спросила с удивлением Елена.

– Тот, кто и должен был его убить, отрезав концы. Да ещё

и так, чтобы я сразу ничего не понял и не догадался.

– Вы не сказали, кто это был, – сказал Дмитрий.

– Не сказали, – добавила Елена.

Меня осенило.

– Всё подстроено – это заказное убийство. Мне нужно ехать, – ответил я. – Срочно.

Я кинулся к рабочему ноутбуку с базой данных и вбил номера автомашины девушки с ребенком. Высветился адрес квартиры на проспекте, куда я стремительно помчался, прыгнув в свою машину. Я понимал, что надежды, увидеть её там, уже практически не осталось, время ушло, но мне нужно хотя бы отработать адрес.

Через десять минут я стоял у входной двери и давил на кнопку звонка. Какого было моё удивление, когда я услышал шорох и звук ключа в замочной скважине…

Дверь мне открыла, та самая девушка!

Я схватился за пистолет:

– Как там Дашенька, не болеет?! – спросил я и вломился в квартиру.

Повалив её на пол, я связал ей руки и посадил на стул.

– Что вы делаете?! Вы зачем вломились в мою квартиру?! – вопрошала она с неподдельными эмоциями.

– Вот не смог проехать мимо, – отвечал я, разыскивая сумочку в прихожей, – Приехал к вам, выразить собственное глубочайшее признание и уважение, за блестяще исполненную роль отчаянной домохозяйки, с грудным ребенком.

Я нашел сумочку и вытащил оттуда паспорт.

– Какую роль?! Вы что пьян?!

– Жаль цветов вам не купил, Фомина Мария Александрова, уж очень к вам спешил на рандеву, так что извиняйте.

– Псих! Спятил! – кричала она.

– А где, кстати, ваша чудная дочка, а?

Мария засуетилась, глаза её забегали. Я развязал её, взял стул и сел перед ней.

– А она, а она у бабушки!

– Ах, у бабушки! И сколько же у этой бабушки внучков-агентов? В какой стране живет бабушка, хорошо ли у неё с пенсией, довольствия хватает? Может, ей премии положены, за ликвидацию особо важных субъектов в чужой стране?

– Роман, я вас вообще сейчас не понимаю, – наклонилась она, – вы вообще о чём?!

Я ликовал.

– Роман? – спросил я и улыбнулся.

– Ой, – ответила она, схватившись за рот с ужасом, поняв, что прокололась.

– И давно мы с вами знакомы, Мария Александровна? – спросил я.

– Так, ладно, – выдохнула Маша. – Я уже совсем запуталась. Просто скажите мне, что случилось, что вы от меня хотите и зачем вы здесь?

– А вы не догадываетесь?

– Нет!

– Вы и Барков работаете на одного заказчика, организация, которой, похитила важную секретную разработку.

– Я и Барков?! Да ты серьезно?!

Я вновь расплылся в улыбке.

– Я даже не удивлён, что и фамилия Барков вам почему-то знакома, хотя пару дней назад, вы просто втрамбовали его голову в асфальт, защищая своё чадо, в порыве неконтролируемой ярости, согласно собственной легенде, не так ли?

Мария невинно захлопала глазами.

Я пододвинулся к ней:

– Давай, колись, – сказал я, – Статья за убийство и шпионаж уже твоя. Либо всех сдаешь и рассказываешь всё что знаешь, либо прощаешься с бабушкой и молодостью. Выйдешь только к третьему декрету Дашеньки и второму замужеству, в лучшем случае.

Мария тяжело вздохнула.

– Ладно, – сказала она. – Я всё расскажу. Будь, по-твоему, я шпионка. Но я против той системы, которую сейчас внедряет Барков со своими людьми и я действительно пыталась вам помочь.

– Барков мёртв, забыла? Куски мозгов ещё на баллонном ключе не высохли, после твоих ударов.

Мария серьезно посмотрела на меня.

– Включи телевизор, – потребовала она.

– Я на дурака похож? Что у тебя там? Взрывное устройство или сигнал тревоги?

– Ты увидишь то, что я пытаюсь объяснить. Можешь включить любой канал, на своём смартфоне. Сейчас его везде показывают.

– Кого?

– Баркова!

Я достал свой телефон и открыл интернет-трансляцию прямого эфира одного из федеральных каналов.

На сцене за трибуной, стоял оратор Барков…

– Настала эра новых технологий! Нет болезням! Да вечной молодости! Каждый, кто хочет получить здоровье, получит его! Мы вылечим всех на этой планете! Всех до единого! Компания «Луч надежды», будет отправлять миллионы вакцин, всем желающим! – кричал он и толпа ликовала.

– Да у тебя же мозги из башки вытекли, – сказал я, не отрывая от экрана глаз.

– Видать не все, – ответила Мария.

– Да… Да как это возможно, – сокрушался я. – Как?! Да я лично на вскрытии был!

– Очень просто, – сказала Мария, – Теперь это его брат-близнец.

– Что?! Какой брат?! Не было у него никаких братьев! Ты думаешь, у нас дураки сидят?! Я всех его родственников до седьмого колена пробивал, прежде чём его нанять! Чушь! Бред! Такого быть не может!

– Это Олег Барков, брат-близнец Александра Баркова, спрессованные мозги которого лежат в земле. Смирись с

этим.

Я качал головой:

– Бред, полный бред… Я что, попал в звездные войны – атака клонов? Так не бывает! Что это за не убиваемая тварь?!

– Слышал что-нибудь о незаконном усыновлении?

– И что? – ответил я.

– Его брат страдал аутизмом. Мама отдала его в детдом. И там он вдруг неожиданно выздоровел. Его незаконно усыновила семья и вывезла за бугор. Без всяких документов и учётных карточек. Мальчик оказался прыткий, прочухал, что он не один в этой вселенной, нашёл своего любимого братца, и они на радостях, сочинили план-капкан по захвату мира.

– Я такой дерьмовой истории, ещё никогда не слышал, Мария.

– Тем не менее – это факт. Вот он стоит, и клятвенно обещает, вылечить весь мир. По вашей, между прочим, секретной технологии. А второй братан, уже превратился в компост и кормит червей, земля ему стекловатой. Братья Барковы хотели править миром. Одного я смогла кокнуть. Второй твой, я не жадная, кончай с ним и увози меня туда, где есть вечное тепло, и шумит океан, ты будешь Сидом, а я Нэнси. Ты быстро пожалеешь, что связался со мной, но тебе понравится. С меня бикини и кофе по утрам.

Я подозрительно посмотрел на Марию.

– Почему я не верю тебе? – спросил я.

– Ты сейчас о бикини или вообще?

– Вся эта история сплошной фарс, ты мне лапшу на уши вешаешь, заговариваешь и туманишь, я не доверяю твоим словам.

– Потому что я, однажды, уже смогла тебя обмануть и теперь ты мне не доверяешь. Но я рассказала всё, что знаю. И я не хочу в тюрьму. Хочу нянчить Дашеньку, быть хорошей мамой и выйти замуж за офицера по имени Роман.

– Хорошей мамой, самой-то не смешно?

– Иногда бывает.

– Как найти второго Баркова?

– Очень просто, нужно спросить у тех ребят, что обязательно придут меня убивать, но ведь ты мой супергерой, правда? Я могу звать тебя Кларк?

– Когда они придут?

– Понятия не имею, но думаю, это дело ближайшего времени. Барковы существа мстительные. Ты хочешь блинчиков на сливочном масле, со взбитыми сливками? Ты можешь кушать их прямо с моего животика, а масло теплым ручейком, будет течь ниже пупочка, прямо между…

– Почему ты не сбежала, если знала, что тебя ищут?

– До встречи с тобой, я собиралась умереть, но теперь хочу от тебя мальчика по имени Саша или Олег, которые везде всех и всегда найдут, – она показала пальцем на чип в руке под кожей, – он вшит так глубоко, что его можно достать, лишь перерезав себе вены, но я пока не хочу. А вот тебя очень-очень мой император.

– Твоя роль на последнем задании?

– А как ты думаешь, почему я врезалась в первую машину, а не вторую?

– Ты следила за мной?

– Постоянно, особенно мне нравилось подглядывать за тобой в душе.

– Да я б тебя вычислил за мгновение, кому ты чешешь?

– Твой чип Барков внедрил тебе под кожу, при последнем рукопожатии в лаборатории, доверься мне милый и я кое-что тебе покажу.

– Что? – отшатнулся я.

– Одно горячее и вожделенное место, куда я хочу, чтобы ты проник и никогда из него не выходил…

Я вытаращил глаза, она добавила:

– Ты что перегрелся? Руку мне свою дай, я тебе чип вытащу!

Я недоверчиво протянул ей свою руку.

– Давай только без глупостей, я не в настроении, – сказал я.

– Как жаль, я обожаю всякие глупости, так бы и делала их с тобой с утра до вечера.

Она достала из сумочки пинцет и скальпель, сделав небольшой надрез на краю ладони, Мария вытащила крошечный жучок-передатчик и протянула его мне.

Я кинул его на пол и раздавил.

– Собирайся, ты едешь со мной, – сказал я.

– Мне взять розовые трусики?

– Лучше баллонный ключ. У тебя пять минут.

– Всего-то? Я думала ты настоящий мачо, хватит хотя бы на семь.

– Четыре.

– Как мало! Бегу, бегу, мой хороший. Если захочешь на меня случайно посмотреть, я буду в кружевном белье в соседней комнате, через одну минуту.

Мария ушла переодеваться. У меня зазвонил телефон.

Началось, – подумал я.

– Слушаю, товарищ генерал!

– Видел?!

– Видел…

– Это как?!

– Их двое товарищ генерал.

– В смысле?! Как двое?!

– У него есть брат-близнец Олег. Их разделили в детдоме и одного вывезли за границу. У нас на него ничего нет.

Из дверного проёма показалась оголенная нога Марии, вытянув ступню, она принялась со мной заигрывать, двигая ногой то вверх, то вниз.

– Чушь какая-то! Откуда информация?

– Источник надежный.

В проёме появилась рука, на указательном пальце которой, висели розовые трусики.

– Ты понимаешь, что он хочет сделать? Он собирается

всех вакцинировать! Нам нельзя этого допустить! Громов, мне уже звонят сверху и требуют объяснений!

– Товарищ генерал, я скоро поймаю его, я уже почти всё сделал.

Я улыбался.

Трусики на пальце стали смешно вращаться по кругу.

– Боев! Время вышло! Нас поимели!

– Товарищ генерал, всё под контролем! Я доложусь, как только поймаю его, – сказал я и бросил трубку.

Рука исчезла. Вышла Мария в платье с довольной физиономией.

– Я готова и вся горю мой страстный, – сказала она.

– Прекрасно, теперь обувайся, и спускаемся вниз.

– А как же пять минут?

– Вниз! – скомандовал я.

– Фу, какой грубиян.

Мы спустились вниз и сели в машину. Мария плавно провела рукой по своей ноге, задрав платье и оголив бедро, продолжая свою кокетливую игру.

– Правда думаешь, что со мной это прокатит? – спросил я, снисходительно улыбаясь.

– Ты, конечно, воробей стреляный, но я думаю, ты сдашься и не устоишь ближе к вечеру. И не таких охмуряла.

– И что дальше?

– Она станет моей, – прошептала она и провела пальцем по моей голове.

– Да брось, – посмотрел я на неё, – Это не сработает.

– Соблазн всегда работает, – она закинула ногу на ногу и прогнула спину, – И не прекращал где-то со времен Адама.

– Лучше пристегнись и расскажи, что ещё знаешь, – сказал я и завел автомобиль.

– Пять видов поцелуев, три вида массажа…

– О проекте!

– Хмм, Баркову нужен Дмитрий. Он не убил Елену, чтобы держать того под контролем.

– Зачем он ему?

– Будет делать вакцины, и работать на него, он готовый специалист.

– Надо позвонить ему, – сказал я и набрал его номер.

Он сбросил. Следом пришло смс: «Перезвоню через полчаса, жди»

– Я кушать хочу, тут в парке продают пищу богов, купишь мне её и я готова отдаться всем порывам страсти.

– Там, кроме шаурмы, ничего нет.

– Тебе о ней и говорят, мой козлёночек.

– Я не буду это жрать.

– Окей, – ответила она, открыла дверь и вышла из машины.

Мне пришлось догнать её.

– Слушай, прекращай, ну хватит уже. Мне что, опять тебя связать?

– Если только это возбуждает тебя. Я видела, что написал

тебе Дмитрий, у девочек угол зрения, почти как у воробушков, не знал?

– Куда ты идешь?

– План такой, мы гуляем по парку полчаса, кушаем вкусную шаурму, ты капаешь себе соусом на штаны, я сажусь перед тобой, доверчиво смотрю тебе в глаза и нежно слизываю его прямо с…

– Я ж тебе кляп в рот засуну, Машенька.

Она остановилась и шепнула мне на ушко:

– Обожаю кляп.

Я купил ей шаурму и мы сели на лавочку.

– Ммм, какая вкуснятина, – восхищалась Маша. Она подхватила пальцем каплю соуса и поднесла к моим губам:

– Хочешь попробовать?

Я даже не пошевелился. Она обмазала мои губы соусом и принялась кушать дальше. Я достал салфетку, вытерся и спросил:

– Как тебя завербовали?

– Давай не будем об этом? Поверь, это не от хорошей жизни.

– А у кого она хорошая?

– У тех, кто счастлив, Ромочка.

– И в чём оно, это счастье?

Маша облизала пальцы и деловито произнесла:

– В любви. Ну и в шаурме. Или в любви, к шаурме. Мы, кстати, можем быть с тобой счастливы.

– Да ну.

– Конечно.

– Я никогда не любил.

– Ну и дурак, – сказала она и выкинула пакет с остатками соуса, – Нельзя прожить жизнь без любви. С неё всё начинается и ей заканчивается.

– А ты любила? – спросил я. – Где твой хахаль-то? Заделал продукт соития и сбежал?

– Да успокойся ты уже, это не мой ребенок.

– Где взяла?

– На прокат дали.

– Даже не сомневался.

– А может, я и сейчас люблю, – сказала Мария, и её теплые оранжевые глаза засияли как искрящий снег на весеннем солнце.

Я поймал себя на мысли, что мне тяжело оторвать от неё свой взгляд, главное не поддаваться соблазнительным чарам. Она была слишком хороша собой, и умело этим пользовалась.

– Ну, значит, ты счастлива, – ответил я и отвернулся.

– А что мешает тебе, быть счастливым?

– Да чего ты пристала? Может я счастлив! – ответил я, заметно нервничая.

Она звонко рассмеялась, положила теплую ладонь мне на колено и пододвинулась:

– Ты счастлив? Ты?! Вот эта хмурая, угрюмая бука счаст-

лива? – она потрепала меня за щеку, – Да если бы ты знал, что такое счастье, ты бы здесь не сидел! Ты бы убежал отсюда быстрее гепарда! С этой суеты, с этой работы, с этих каждодневных расследований, обысков, задержаний, перестрелок и докладов! Ты бы бежал и бежал, в теплый, уютный уголок, где тебя ждёт твоя любимая, а с ней два сопливых оболтуса и кастрюля с борщом! А в сковородке дымятся горячие котлеты по-киевски. И ты берешь котлетину на вилку и одним укусом уминаешь половину, пережевывая и кряхтя от удовольствия, потому что ты, у себя дома. В своём храме, где есть только любовь и мир. Твой мир, твоего сердца и твоя плоть, от твоей любви. Вот что такое, счастье, Рома. А не вот это вот всё, что ты видишь каждый день, сумрачное, бренное и суетливое.

С большим трудом я убрал её руку с моего колена.

Я слабел.

– Мне нечего тебе сказать, – ответил я. – Возможно, я уже свыкся с мыслью, что личного счастья у меня не было, нет и не будет. А если нет у меня, значит, пусть кто-то другой будет счастлив. И вот за эти котлеты по-киевски, на обеденном столе у хорошей, крепкой и любящей семьи, я и готов бороться. И жизнь готов свою отдать. За чужое счастье, не своё. Не всем дано быть счастливыми. Не всем дано любить. Но каждый, может сделать свой выбор: быть ему человеком или стать пустотой.

Глаза её как будто зажглись. Она посмотрела на меня так

восхищенно и трепетно, что я окончательно потерял над собой контроль. Секунда и мы впились друг другу в губы, обнимаясь на лавочке, словно студенты. От неё пахло шаурмой и чем-то очень мягким, сладким и дурманящим. Я опомнился, мне стало жарко, губы мои горели, а разум пылал, сердце беспрерывно стучало, повышая пульс и унося меня в пучину любовной романтики. С большим трудом я оторвался от её нежных губ, встал и пошёл к машине быстрым шагом. Сделав десять шагов, я остановился и обернулся. Мария продолжала сидеть на лавочке, смотря мне в след и улыбаясь. Она улыбалась своей победе. Жестом я показал ей идти за мной.

Мне тоже хотелось улыбаться. Тоже хотелось жить и быть счастливым.

Но генерал Громов, преступник Барков, и хорошие ребята – Дмитрий и Елена, выше личного счастья и котлет по-киевски.

Так иногда бывает, если ты настоящий офицер, а не ряженое фуфло.

Сев в машину, я взял в руки телефон. Следом подошла Мария, вальяжно плюхнулась и поцеловала меня в щечку.

– Теперь и ты счастлив, – сказала она.

– Торжествуешь? – ответил я.

– Да брось, я же вижу, как тебе понравилось, – куражилась она.

Я набрал телефон Дмитрия. После нескольких гудков, он ответил:

– Приезжай в лабораторию, срочно – сказал он мрачно и повесил трубку.

Я задумался. Мария с тревогой смотрела на меня.

– Всё, – сказал я.

– Что? Что он ответил тебе?

– Барков их уже нашёл.

– Как ты это понял? – спросила Мария, после недолгой паузы.

– Он собирает всех в лаборатории не просто так. Там он разделается со мной, потом с тобой и подчинит Дмитрия с Еленой.

– И что же нам делать? – спросила Маша.

По тротуару шла женщина, лицо которой выглядело очень печально. В руках у неё был пакет с продуктами. Она поравнялась с машиной и, посмотрев на Марию – вздрогнула. Пакет выпал у неё из рук, в нём что-то разбилось, и под ним быстро образовалась лужа. Она медленно, подошла к окну и подняла руку, трогая стекло на уровне глаз Марии. Кажется, она что-то шептала, а потом вдруг начала плакать.

– Что с ней? – спросил я, обращаясь к Марии.

– Ничего, поехали, – Мария отвернулась и серьезно посмотрела на меня.

– Погоди, может ей надо помочь, – сказал я и хотел открыть окно.

– Поехали! – вдруг закричала Маша, – Быстро! Слышишь меня! Нас ждут! У нас нет больше времени!

Я завел автомобиль и тронулся с места, женщина била по стеклу рукой и бежала следом.

– Миша! Мишенька! – донесся истеричный крик сзади.

– Это обычная сумасшедшая, не останавливайся, едем в лабораторию! – сказала Мария строгим голосом, – Хватит с меня всего этого.

– Ты о чём? – удивленно спросил я.

– Ни о чём. Ты всё равно не поймешь, – ответила она.

– Странно это всё.

– Нормально.

– Слушай, зачем тебе ехать со мной?

– У меня появился план, я знаю, как мы сможем его обхитрить.

– Я слушаю.

– Когда мы приедем, Барков будет уже внутри. Нам нужно воспользоваться этим, позови Дмитрия встретить тебя, скажи ему, что в багажнике ценный груз, например, сырье для вакцин, пусть он тебе поможет.

– И?

– Отдашь ему этот пистолет, – Мария протянула мне оружие, – Он сможет пронести его. Он не светится в рамках и не звенит в металлодетекторах, маленький и в нём всего два выстрела.

– Ага, шпионские штучки из темного прошлого. А два выстрела, на случай, если объявится третий брат близнец? В чём смысл этой затеи?

– Тебя обыщут и отберут оружие. Потом проводят вниз, где пафосно выйдет Барков, для своей пламенной речи победителя. И всё. Дима убьет его.

– А вдруг он не сможет? Духу не хватит или промахнется?

– Сможет. Верь в него так, как веришь в себя.

Я остановился и внимательно посмотрел на неё.

– Почему я должен доверять тебе, Маша?

– Потому что у тебя нет другого выхода, и я знаю Бирка, лучше, чем ты.

– Кого?

– Баркова, – зло произнесла она.

– Ладно, – ответил я. – Будь что будет.

– Просто поверь мне. Я лучшее, что было и…будет в твоей жизни.

– Звучит очень самонадеянно, – ответил я иронично.

Маша наклонилась и легонько поцеловала меня.

– Поехали, пожалуйста, – сказала она.

Через несколько минут, я приехал в лабораторию. Позвонил Дмитрию, он вышел ко мне с белым как больничная простыня лицом.

– Привет, Дима, – сказал я.

– Здравствуйте, Роман, – сказал он мне официальным тоном, не сводя с меня глаз.

За его спиной стоял военный и недоверчиво посматривал на нас обоих. Я играл привычную роль, понимая, что смена власти уже произошла, и внутри лаборатории меня ждут для

расправы. Дмитрий всеми силами, как мог, пытался дать мне понять, что что-то произошло, что нужно быть осторожным, что ему нужна помощь.

– Я дам тебе сырьё, для новых вакцин, оно в багажнике, пойдем, – сказал я.

Открыв багажник и воспользовавшись тем, что военный отвлекся, я сунул ему маленький пистолет Марии в карман и шепнул:

– Я всё знаю, когда будет шанс, стреляй в Баркова и не о чём не думай.

Дмитрий впал в ступор от услышанного, а я громко сказал:

– Вот чемоданчик, бери, спускайся, мы сейчас тоже придём.

Дмитрий ушёл, несколько раз тревожно оглянувшись. Военный остался стоять рядом со мной.

– Вас просят пройти вниз, – сказал он мне, – Вам необходимо сдать мне своё личное оружие и пройти обыск.

– Всенепременно, – ответил я и отдал ему свой пистолет.

Меня и Марию обыскали, а затем, под дулами автоматов повели в недра земли, в подземную часть лаборатории. Мария кусала губы, взяв меня за руку. Мы зашли в актовый зал, там нас уже ждали генерал Громов, Дмитрий и Олег Барков.

– Сама пришла, – сказал Барков и заулыбался, увидев Марию.

– Хочу ещё раз посмотреть на твою смерть, – ответила она.

– Это вряд ли, – ответил он и посмотрел на наши руки, – А я смотрю, вы уже сдружились, голубки, хотите вместе вас похороним?

Барков был как две капли воды похож на своего брата. Те же манеры говорить, те же манеры двигаться, даже по характеру я не нашёл никаких отличий. Даже шрам в виде треугольника был на руке. Просто полная копия.

– Зачем мы здесь, товарищ генерал? – спросил я молчаливого Громова.

– Затем, что ты не справился, – ответил он, – Теперь он тут главный. Он будет создавать вакцины, и раздавать всем нуждающимся.

– Он? – ответил я, – А если он хочет взять всех людей под глобальный контроль своей идеей? В чем смысл его добродетели?

– Я не знаю Боев. Но если я не соглашусь на его условия, то не создам то, за что получил деньги и не смогу ответить перед вышестоящим начальством.

– Вы сейчас даете власть человеку, который уничтожит весь мир, товарищ генерал, – донёс я до него.

Громов поник и опустил голову. Барков смотрел на меня холодным, колючим взглядом и сказал:

– Жаль тебя Боев. Никто никогда не услышит и не поймёт таких честолюбивых людюшек, как ты. Мир пожирает честных людей, их слишком мало, они считаются деликатесом. Ты обречен на непонимание и страдания. Таких как ты все-

гда обманывают, подставляют, принижают и вытирают ноги, потому что ты, всегда предсказуемый. Держишься за свой стержень справедливости, шаг вправо, шаг влево – расстрел и крах внутренней системы ценностей. Ты бедный и жалкий человек, которого губит порочность, страсть и одержимость самым главным скрытым грехом человечества – стремлением быть во всём правильным. Честным. Правдивым. Жаль тебя, Боев. Так и помрешь дураком.

– Зато, таких как ты, не жаль, – взяла слово Маша, – Просто пачками надо расстреливать. Гадкая, подлая, низкая душонка, не способная на благочестивый поступок. Ты – слабак. У тебя никогда не хватит духу, пойти против общих принципов, против лживых ценностей, против мнимой безопасности, потому что ты – ничтожество. Бездуховное, аморальное существо, зверь в человечьем обличие, имя которому – порок.

– Зато ты, Мария, просто ангел небесный. Какая сильная, прыткая и боевая, просто любуюсь, – сказал Барков, – Что же ты не спасешь своего героя? Что же вы приехали сюда, где вас ничего не ждёт, кроме старухи с косой? Где же ваша справедливость? Почему я сейчас решаю судьбу всего мира, если вы так сильны, своими духовными ценностями? Завтра я буду вакцинировать всё и всех, и весь мир будет под контролем одной кнопки, все ваши жизни будут под моей волей, вы сами придете и отдадите их мне. Ваша жажда преобладать, не зависеть, освободится от болезней, боли, стрем-

ление жить вечно и выглядеть красиво, поднимут вас на ноги и приведут ко мне. Вся ваша воля в раз повинуется, под сладким и манящим желанием сладострастия, что неизменно делает вас рабами иллюзий счастливой жизни. Вы готовы затыкать ваши ноющие сердца и дыры в душах чем угодно, только не терпением и любовью к ближнему. Никто и никогда из вас не станет спешить на раздачу милосердия, а вот очередь к страстям приведет к толпе страждущих. Так кто из нас порок?

– Я, – сказал Дмитрий и вытащил из кармана пистолет, – Я тут главный порок. Я хотел вылечить всё и всех, гоняясь за своей одержимой любовью. Я хотел мира во всем мире, не меняя главной людской сути. Я хотел побед, без поражений, любви, без обязательств, счастья без страданий. Я тот самый идеалист, что верил в мир, людей, добро без зла и Бога без Дьявола. И ничего сейчас нет в моей душе, кроме одного – любви к человеку. И я готов ради неё убивать, страдать и жертвовать, – Дмитрий направил пистолет на Баркова.

– Как прекрасно, – сказал Барков и посмотрел на Марию, – Ты дала ему пистолет, который невозможно увидеть. Правила против правил. Пчёлы против меда. Помощь людям ради собственного эго, злой Барков, злой, убить и закопать, мозги в асфальт, кровь и кишки, просто милая и страстная девочка, преисполненная любовью и состраданием. Хороший ход, но… он все равно слаб. Слаб и жалок, как все вы тут.

Мария напряглась, отпустила мою руку и сделала шаг к Баркову. Дмитрий стоял, направив пистолет на Баркова. Генерал хлопал глазами.

– А вот и мой ответ, тебе, Мика, – сказал Барков, – Дима, а что за странная записочка лежит у тебя в другом кармане куртки? Кажется – это я тебе её дал, прежде чем ты вышел к Роману. Может быть, там что-то о Елене? Я хочу, чтобы ты прочитал её перед тем, как добро победит и справедливость восторжествует! Пусть это будет моим последним желанием, а потом стреляй!

Барков демонстративно порвал свою майку и оголил грудь, ожидая выстрела. Он показательно отвернулся и зажмурился.

– Не смей её брать, слышишь! Не бери записку! Не читай её! Просто убей его и всё закончится! Елена будет в безопасности! – закричала Мария и пошла к Дмитрию.

Тот перевёл пистолет на неё и сказал:

– Стой! Я знать не знаю кто ты. Стой на месте! И ты Роман не смей двигаться! Ты вообще сказал нам, что он мёртв! Все стойте на своих местах!

Дмитрий потянулся в карман и вытащил скомканную записку.

– Нет, нет… – шептала Мария.

– Шах, – произнес Барков.

Он прочитал её…

Некоторое время он думал, мы стояли молча, в неведении,

и ждали, что произойдет.

Потом он посмотрел на меня. Смотрел долго и вдумчиво. Затем он перевел свой взгляд на Марию.

– Он победил, – сказал Дмитрий и глянул на Баркова.

– Мат, – сказал Барков и посмотрел на Марию.

Дмитрий поднял пистолет на Машу, я закричал:

– Нет! Что ты делаешь! – и закрыл её собой.

Прозвучал выстрел. Я упал. Следом прозвучал второй. Рядом со мной упала Маша.

Глаза её вспыхнули и погасли навсегда. Я увидел, как гаснут звезды, как гибнет целая вселенная, как исчезает мир и вместе с ним – моя любовь.

– Нэнси, моя прекрасная Нэнси, – шептал я, гладил её по щеке и радовался только одному – сейчас я уйду туда, где мы будем вместе, как Сид и Нэнси, Сид и…

Глава третья.

Предусловие.
«Любить или играть?»

Как же она хороша, её как будто рисовал гениальный художник за таинственной дверью – она не может быть так прекрасна в нашем мире, это неизведанная красота всех пространств, в которых мне удалось побывать. Прядь её волос описывала дугу и острым, сечёным концом слегка касалась рта. Мне довелось целовать эти губы! Как бы я сейчас жалел, как бы я негодовал, если бы устоял там и не поддался её соблазнительным чарам! Это похоже на сон, пробудившись после которого, ты силой мысли пытаешься воссоздать ту иллюзию, в которой тебе снилась вожделенная красотка, но ты не воспользовался моментом, чтобы отдаться полноте любовной страсти в забвении, упустив прекрасный момент безответственной вседозволенности.

Ох, как бы я сейчас злился, если бы так случилось. Но я не устоял. Я отдался власти порыва и получил свою крохотную толику счастья, как вознаграждение за всё бытовые тяжбы. Я смотрел в эти тёплые оранжевые глаза и наслаждался стихией, омутом, кладезю любви. Как же это было прекрасно. И

как хорошо, что я сейчас здесь.

Иногда целая жизнь, не стоит такой смерти. Такой смерти, после которой, ты счастлив снова видеть любимых людей. Я люблю тебя, смерть.

Я улыбался собственному счастью, а оно улыбалось мне.

Председатель снова что-то записывал. Барков ехидно ухмылялся и молчал. Пекта вновь не было…

– Я хочу сделать протест, – сказала Мика, обратившись к председателю.

– По какому поводу? – поднял он на неё свои разноцветные глаза.

– Бирк снова жульничал!

– Ох уж этот Бирк, какой злой, плохой и не хороший, – ответил Бирк, – А кто мои мозги в асфальт закатал?

– А кто сломал новую машину у героя, чтобы избежать погони?! – возмущалась Мика.

– А кто герою дал пистолет, чтобы тот меня застрелил? – парировал Бирк.

– А кто записки передаёт?!

– А кто играет в любовь и чувства?!

– Играет? – удивился я и вклинился в их диалог.

– А это что, запрещено? – спросила Мика у Бирка, не обращая внимания на мой вопрос.

– А что вообще запрещено? – ответил Бирк.

– Прекращайте уже, – сказал председатель, – каждый раз одно и то же! Герой прошёл второе испытание?

– Самопожертвование состоялось, – ответила Мика.

– Согласен с нашим девичьим венцом справедливости, – съехидничал Бирк.

– Дориус, тяните третий билет, – сказал председатель.

– Так ты…играла? – не унимался я.

– А ты поверил ей и влюбился? – сказал мне Бирк. – Ты ещё не понял, что добру нельзя верить? Добро всегда лжет. Верить надо злым, они всегда говорят правду.

– Верить надо, своему сердцу, – ответила Мика и многозначительно посмотрела на меня. – Оно никогда не обманет.

– Тяните билет! – требовал председатель.

Я взял билет и прочитал свой приговор на бумаге: «Любовь», а внизу, была маленькая подпись карандашом в скобках: (тут скоро будет кое-что важное для тебя, от Бирка).

Я удивленно посмотрел на Бирка, тот мне подмигнул.

– Что у вас там? – спросил председатель.

– Любовь, – сказал я и посмотрел на Мику, – Может, скушаем ещё по шаурме? – добавил я и увидел, как глаза её засияли, а губы расплылись в улыбке, прежде чем вновь появилась белая пелена, и я погрузился в последнюю жизнь.

Часть первая.
«Мисс сочувствие»

Знаете, в чём самая главная ошибка человечества?

В том, что хороший человек наивно полагает, что у него будет хорошая жизнь. Этакая формула справедливости. А плохой растворяется в иллюзии, что он особенный, так как плывет против общественной морали и общепринятых правил. Социальные бунтари, которым всегда везёт.

Но судьбу не обманешь. Как в том анекдоте, где два поезда ехали на встречу, друг другу, по одному пути, но разминулись. А почему? Не судьба. Судьба сильнее хороших и плохих. Судьба вне законов, вне религии и вне логики. Судьбе всё равно на ваши эмоции, страдания, желания и поступки. Судьба подчиняется только двум законам: это рождение и смерть.

А счастье приходит только туда, где его ждут с широкой и неподдельной улыбкой с полотенцем в руках, на котором уже полёживает золотистый каравай и солонка.

Но я не ждал. Я сидел в офисном кресле директора научно-медицинской лаборатории, бесполезно щелкал письменной ручкой и обдумывал, как лучше продать горы складского парацетамола, пока его не сожрали жирные складские крысы.

И не придумал ничего лучше, кроме как раздать его за

бесценок ближайшей фармацевтической компании, представителя которой, я и пригласил на аудиенцию. Представителем оказалась миленькая такая, хрупкая, но шустрая светленькая девушка.

Природа её очень возлюбила. Тут и фигура как будто её краснодеревщики месяцами вытачивали, и зелёные глазки, игриво переливались под лучами солнечного света, поглощая фотосинтезом все органическое целое, в бесконечном пространственном радиусе, производя при этом любовные флюиды, которых бы хватило для захвата вселенского разума. И милые щечки-ямочки, прожигающие пикантностью и словно возводящие алые чувственные губы своей чудной, фактурной обладательницы, в интригующие кавычки, обосабливая и подчеркивая самое желанное и проникновенное во всех любовных романах место, природным маркером. Всё в ней жило, цвело и восхищало.

И пока она садилась передо мной на стул за стол переговоров, а я над головой считал количество сердечек, в амурном хороводе, появилось что-то очень странное.

Взгляды. Это то, что учатся понимать и прочитывать с раннего детства маленькие дети, а потом и взрослые, открывая новые пределы невербального общения. По взгляду мамы понятно, что она не даст больше печеньку или сейчас будет бо-бо. По взгляду любимой девушки ясно, что она не в лучшем настроении и к ней лучше не подходить, чтобы на собственном затылке вдруг не открылась дверь, для торже-

ственного выноса мозга. По взгляду прохожего можно прочесть, что у тебя крошки на губах или пятно на штанине. А ещё бывают такие взгляды, после которых становится очевидно, что декольте на блузке слишком большое, а юбка все же маловата. Так вот ни один из этих многочисленных взглядов моих коллег, на эту юную и миловидную особу, не подходил.

Это была проникновенная жалость. Серьезно, жалость к человеку, которая слепила вокруг своей красотой, словно пролетающий метеорит в ночном небе, так вообще бывает?

Они шептались, тыкали пальцем за её спиной и провожали печальными глазами любой её жест или движение тела. На каждый её легкий вздох – следовало два тяжелых, со стороны. Люди переглядывались, звонили друг другу и горячо обсуждали неизвестный мне факт, прикрывая рот ладошкой, чтобы никто вдруг не услышал сокровенной тайны, которая тиражировалась из уст в уста, со скоростью печати желтой прессы.

Сама же девушка сидела скромно и чинно. Руки сложила перед собой, спину держала ровно, вела себя спокойно и уверенно.

Быть может она бывшая порноактриса? Наркодиллер? Жена крупного мафиози? – мелькали у меня шальные мысли.

– Ну? Долго будем сидеть? – спросила она, вернув меня из облака фантазий в суровую реальность.

– Ах, да простите, – ответил я. – Вы фармацевт, Елена?

– Да.

– Так-так и нам нужно подписать договор, о передаче складских препаратов, – сказал я, рассматривая документ, пока мои коллеги резко прекратили всеобщий галдеж и начали подогревать температуру в офисном помещении, своими ушами.

– Да, я здесь для этого.

– Хорошо, тогда поставьте здесь свою подпись и коробки ваши, наш кладовщик… Хотя, знаете, давайте я вам сам покажу, где они находятся.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответила Елена мягким голоском.

Она встала и самостоятельно пошла в нужную сторону, под пожирающими взглядами моих сотрудников, из глаз которых непрерывно шли невербальные сообщения о хмурой печали, тяжелом горе и мнимом сопереживании в её адрес. Я сделал вывод, что она далеко не первый раз приезжает к нам. Мы спустились вниз по лестнице. От неё приятно пахло каким-то пряным ароматом. Я пошерудил ключом в замке и открыл двери складской лаборатории. Показав ей нужные коробки, для сверки серийных номеров, я немного подождал, пока она всё перепишет, и мы пошли на выход, где её ждал водитель.

Перед тем, как она села в автомобиль, я спросил её:

– Елена, я, наверное, должен извиниться.

– За что? – глаза её так и вспыхнули.

– За своих коллег, мне показалось, что они вели себя не совсем корректно, по отношению к вам.

Некоторое время она безмолвно смотрела на меня, а потом произнесла:

– Вам показалось, – ответила Елена и села в автомобиль.

Я проводил взглядом уезжающую боль, неизвестного мне вида, и помчал наверх выяснять причину коллективного психоза. Во всех организациях есть центральный слуховой аппарат, который знает всё и про всех, даже то, что они сами ещё о себе не знают.

У нас эту негласную роль, исполняла кассир – Зоя Ивановна, которой уже было давно за отметку пенсионного возраста. Но объем её знаний, в виде тайн, секретов, и типов взаимосвязей в социальных группах, не позволял так просто взять, и отправить на заслуженный покой столь ценного сотрудника, по причине боязни непроизвольной утечки информации, прямо в уши завистливым недругам.

Знаниями о том, кто кому недруг, а кто друг, Зоя Ивановна так же профессионально владела, и строго блюла корпоративную тайну, искусно лавируя между огнём и океаном.

Я поднялся к нашему бесценному кассиру и молчаливо уставился вопрошающим взглядом, она, как обычно, всё прекрасно поняла без слов:

– Ой, Дмитрий Николаевич, вы же не знаете… – всплеснув руками начала вещать кассирша.

– Не знаю, – согласился я.

– Девочка-то эта, какая бедненькая, ой, как же ей тяжело…

– Да ну? – с иронией ответил я.

– Дмитрий Николаевич, – перешла на шёпот Зоя Ивановна, – я вам как старая бабка советик дам! Вы холостой, молодой, без деток, не вздумайте за ней ухаживать, это чревато! Она девчонка красивая, видная, но она…

– Проститутка? – попробовал, я было угадать, не изменяясь в лице.

– Нет, нет, что вы, – замахала руками Зоя Ивановна, – тут всё гораздо хуже!

– Трансгендер? – потешался я.

– Хуже! – сокрушалась кассирша, – хотя я и не знаю, что это слово означает, но уверена, что хуже! Хуже и быть не может!

– Ну, так что же, Зоя Ивановна, не томите.

– Она очень больна, Дмитрий Николаевич, очень, – произнесла Зоя Ивановна с такой тревогой в голосе, как будто кто-то уже умер и не оставил завещания.

– Ясно, понятно, ну что ж буду знать, – ответил я и повернулся к выходу.

– Рак легких, Дмитрий Николаевич! Так ведь и не курила никогда! А из какой она семьи! Очень приличная семья, богатая и зажиточная! Родители в ней души не чаяли, как любили, а она ушла от них и ни копейки не взяла! Гордая!

Лечится, не хочет, просто умирает такая красота и всё тут! Совсем не путевая!

– Очень интересно, Зоя Ивановна, но меня ждёт работа.

– Дмитрий Николаевич, вы меня извините бабку старую, но не связывайтесь вы с ней! Не моё это дело, но не связывайтесь! Вы такой молодой, красивый, интеллигентный мужчина, да ещё и с такой должностью!

– Зоя Ивановна, я ушёл! – сказал я, открывая дверь.

– Дмитрий Николаевич, а как вам наша девочка Олеся, из бухгалтерии? Темненька такая? А? Дмитрий Николаевич! – кричала она в след.

Я закрыл дверь и побежал в свой кабинет, пока наш дружный коллектив экстрасенсов, выискивал во мне свежую пищу для собственного ума и безграничной фантазии, посредством моих глаз и общего состояния биополя. Для моих дорогих коллег, теперь было делом принципа, определить степень моей заинтересованности в Елене, и просчитать процент вероятности затягивающегося омута страстей, в эквиваленте послеобеденных сплетней, иначе день будет прожит зря.

Ладно, будет им что обсудить.

Три этажа кабинетов медицинской лаборатории, наполненных молодыми и энергичными девушками, зрелыми и полноценными женщинами, а также опытными и увядающими дамами возраста безмятежности, интересовались только одним вопросом, из года в год:

«Когда женится директор, а главное на ком?»

Кому-то казалось, что я любитель одиночества и общества легкодоступных куртизанок, с банковским терминалом, вместо головы. Кто-то считал, что я бывший вдовец и любовь моя трагично погибла в молодом возрасте, а так как я по натуре однолюб, мне оставалось только пересматривать фотоальбомы и видеозапись со свадьбой. Кладовщик и сторож единодушно сошлись во мнении, что я латентный гей и любитель походить в закрытый клуб с черного входа. Ну, а большинство полагало, что мне сложно определится с выбором, в таком богатом количественном раздолье прекрасного пола.

И пока я осторожно шёл по скользкому полу, стараясь не поскользнуться на змеином яде, разлитом по всем углам, наш дружный женский коллектив приветливо улыбался мне в лицо и показательно лицемерил за спиной.

А истинная причина моего защитного, антифлиртового костюма, ко всем потенциальным невестам по месту работы, только одна – зависть. Как только, в нежном женском кубле поселится новость, о конкретном выборе моей избранницы, в офисе появится новое тотемное животное зеленого цвета. Оно придёт и вальяжно разляжется на тонкой девичьей шее, после чего, начнёт мерно душить свою хозяйку, в голове которой, поселится извечный и безответный вопрос о женской справедливости:

«Почему она, а не я?»

Что привнесёт в клуб чаши и змеи, только злость и раздор.

В конце концов, я устал сидеть одинокой пчёлкой в цветнике и подыскал себе помощника: молодой выпускник медицинской академии по имени Саша, энергичный, перспективный и, что самое главное, нужного пола и холостого статуса. Теперь пусть его рассматривают и примеряют ко всему женскому.

Саша быстро вжился в роль центра всеобщего внимания и засиял маслеными глазками, под гормональным фейерверком из тестостерона и похоти. Я ликовал и последовательно сгружал с себя весь психологический груз, в виде незамужних Олесек из бухгалтерии и Надюшек из микробиологии, на юные плечи крепнувшего организма, затыкая им все возможные амбразуры и отдавая важные поручения по всем фронтам, добиваясь нужного эффекта. Вскоре Сашенька полюбился всем юным и не совсем юным дамам и стался главным кавалером на балу у Гиппократа, а мой независимый статус, как-то позабылся и затуманился, чему я был, несомненно, рад.

Прошло пару недель праздничного шабаша с хороводом, песнями и плясками вокруг моей персональной заградительной декорации по имени Александр, как вдруг в медицинских кабинетах вновь воцарилась звенящая тишина. По угасающей громкости в голосах моих подчиненных, я понял, что в лабораторию вновь пришла Елена, всё ещё прекрасная и почему-то счастливая, без единого намёка на горе и отсут-

ствия воли к жизни.

Зато у моих коллег лица были не в пример грустные и серые, как будто рак пожирал не фигуристое тело молодой особы, а их вытянутые физиономии, сопровождающие носом гордую походку юной красавицы, главной кандидатки на звание: «Мисс Сочувствие».

Она продефилировала вдоль рабочих столов и взяла курс ко мне в кабинет, чем вызвала бурное оживление в массах, превращающийся в обычный рыночный галдеж из сплетен и склок. Затишье прекратилось.

– Доброе утро, – поздоровалась она, и в моём кабинете сразу стало светло от её улыбки.

– Здравствуйте, чем обязан? – ответил я.

– Вчера мне звонил ваш помощник и сообщил, что у вас есть какое-то срочное предложение.

– Странно, я не давал ему никаких указаний, – удивился я и, набрав номер телефона Сашульки, пригласил зайти.

Он появился через минуту.

– Александр, вы не объяснитесь? – спросил я и показал на Елену.

– Да, это я пригласил её, – ответил он.

– И с какой целью? – напрягся я.

– Вчера у нас был переучёт, и мы нашли восемь неучтенных коробок с парацетамолом, я подумал, что Елене они пригодятся.

– А мне сказать ты не подумал? – спросил я.

– Извините, я забыл.

– Ладно, иди, развлекайся, – ответил я и кивнул на дверь в мир женских грез и секретов.

– Что-то у вас помощник, какой-то рассеянный, – сказала Елена, проводив его взглядом.

– Зато он отлично справляется с другой ответственной ролью.

– Интересно какой? – спросила она.

– Он меня моложе, красивее, здоровее, а ещё он первый кандидат в кресло руководителя, после моего торжественного ухода на пенсию, а значит ещё и перспективнее.

– И в чем его роль? – удивленно спросила Елена.

– В переводе внимания, – ответил я.

– Что, совсем заели?

– Выть готов.

– Понимаю, что делаем с коробками?

– Отдадим вам, раз уж Сашенька наблюдателен.

– А может, их не зря держали неучтенными?

– А вот об этом мы узнаем, после того, как наш кладовщик вернется из отпуска и даст подзатыльника молодому дарованию, за проявленный энтузиазм и горячую инициативу, – сказал я.

– И вместе с подзатыльником, он получит бесценный опыт, – ответила она.

– А кладовщик, всеобщее порицание от женских коллег, за физическое надругательство над своим божеством, – за-

метил я.

– Бумеранг судьбы в действии, – добавила Елена.

Мы прошли несколько этажей вниз и очутились в тёмном подземелье колдовских снадобий, чудодейственных препаратов и целебных отваров сумрачных гениев, восседавших в лаборатории. Включив лампочку и озарив технократическим светилом мрачное царство химии, как науки, я нагрузил водяную дамбу с генераторами на окраине города где-то на сто ватт и увидел перед собой семь коробок, любезно составленные в форме пирамидки, любимцем местной публики – Александром.

– Он старался вам угодить или это влияние перфекционизма, так складывается на его уме? – спросила меня Елена, рассматривая пирамиду из коробок, прямо по центру склада.

– Нет, он просто любит оставлять после себя кучки, которые потом должен убрать хозяин, – ответил я.

– Ну, просто милый котик, не иначе, – улыбалась Елена.

– Вот видите, вам он уже тоже нравится, будьте осторожны, не попадите в секту вожделения, что наверху – заметил я, с иронией.

– Боюсь не выдержать конкуренции, – ответила она.

– О, да. Наши дамы закалены в боях, за право обладания золотым тельцом.

– Это вы сейчас про себя?

– Нет, я уже покрылся ржой, стал временами поскрипывать как старая телега.

– Придется вас тоже списать, как весь этот фуфломицин, что вы нам втюхиваете под руку рынка.

– Надеюсь, меня отдадут в надежные руки, – ответил я и многозначительно посмотрел на Елену.

Елена подняла бровь и слегка улыбнулась. Внезапно, за нашими спинами закрылась дверь и щёлкнул замок. Мы подбежали к дверям, стали кричать и стучать изо всех сил, но по ту сторону ответили только посвистыванием и громким топотом уходящих наверх, неизвестных ног.

Нас кто-то запер и сделал это намеренно. Елена удивленно посмотрела на меня, в ожидании ответа.

– Кажется, меня уже списали, – сказал я и, взяв в руки сотовый телефон, посмотрел на экран, – Беда в том, что здесь совершенно нет связи.

Елена скинула с плеча сумочку и, засунув в неё руку по локоть, достала своё личное средство связи, потыкав в которое и удостоверившись, что связи с внешним миром так же нет, убрала обратно.

– Скажите мне, что у вас принято так шутить? – спросила она меня.

– Так шутят только дураки и идиоты, а таковых у нас нет.

– Уверенны? – спросила она и выразительно кивнула в сторону пирамидки, из лекарственных коробок.

– Думаете это…

– Знаю, – перебила меня Елена.

– И зачем? Чем я ему помешал? – удивился я.

– Может бычок, желает захомутать всех телочек, на своём пастбище?

– Так они и так все его, что у них там, оргия намечается? – удивился я.

– Будем надеяться, что мальчик быстро сдуется, – сказала Елена.

– Вы серьезно полагаете, что нас закрыл мальчик Сашенька? – спросил я.

– А кто нас сюда затащил, дождался, пока мы спустимся, и выставил пирамидку, словно сыр в мышеловке?

Я подошёл к коробкам и пнул одну из них. Пирамидка легко рассыпалась. Коробки оказались пусты.

– Вот сволочь, – сказал я, – Ещё и ключи с собой утащил, гадюка.

– Хорош помощничек, – сказала Елена, усаживаясь на коробки, – За пару дней оставил главного производителя без вожделенного стада и персонального загона с кондиционером.

– Издеваетесь? – спросил я, – А, между прочим, нас тут никто не услышит.

– Предлагаете мне начать паниковать?

– Хотя бы прекратить издеваться.

– С чего вдруг? Вы наняли психопата, который обвёл вас вокруг пальца на второй день и запер с неизвестной целью, а что, если он маньяк? – спросила Елена.

– Он никогда не состоял на учёте у психотерапевта и

справку, о состоянии его здоровья, я очень внимательно читал. Мне нужна была красивая и здоровая декорация, в виде фикуса на подоконнике. Такая, чтобы каждая особь женского пола, жаждала его поливать и периодически подрезать сухие листочки, – сказал я.

– Гнилой ваш фикус, – ответила Елена.

– Жаль, что я это поздно понял, – согласился я.

– Ладно, вода здесь хотя бы имеется? – спросила Елена.

Я порылся на складских полках и стянул бутыль из-под кулера. Так же нашлись леденцы, гематогенки и ириски. Весь найденный хабар я принес Елене.

– Просто праздник жизни, – сказала она и слопала гематоген, запив его водой, – Жаль, что у вас не кондитерская фабрика.

– Зато голова не будет болеть, – ответил я и сел рядом с ней на коробки.

– У нас есть хоть какой-нибудь шанс отсюда выбраться? – спросила Елена, сняв туфли и потирая затекшие ноги.

– Если доживём до понедельника, то из отпуска вернется кладовщик.

– И что мы будем делать два дня?

– Ну, я знаю много страшных историй. Какое-то время, я работал вожатым в детском лагере, по молодости лет.

– Видимо, это было очень давно?

– Смешно, – ответил я.

– А костер будем жечь? – спросила Елена.

– А что будем жарить на нём, крысу на игле от шприца или леденцы от кашля?

– Я обожаю жареный парацетамол.

– Пожалуй, это я могу устроить, – ответил я с улыбкой, – Погодите!

– Что? – удивилась Елена.

– Костёр! Нам нужен огонь! Здесь же есть система пожаротушения!

– Наконец-то здравая мысль! – воскликнула Елена.

Я взял лестницу и поставил её под датчик сигнализации, который висел на потолке.

– Вы курите, у вас есть зажигалка?! – окрыленный своей идеей, резко спросил я и сразу же прикусил губу.

Елена как-то странно посмотрела на меня, и я тут же спохватился:

– Извините, я… Спросил глупость. Тут есть пожарный щит, я попробую что-нибудь сломать в нём.

Я подошел к стене и открыл электрический шкаф.

– Попробуйте просто выдернуть какой-нибудь проводок, – предложила Елена.

Я дернул первый попавшийся провод и, где-то наверху, зазвучала пожарная сирена, а следом за ней, выключилась общая вентиляция. В маленькое окошко, под самым потолком склада, я увидел мелькающие тени – люди выбегали из лаборатории. Через несколько минут сигнализация выключилась, а следом за ней в нашем помещении пропал свет. Я

отчетливо услышал звук выключения рубильника.

– Хитёр бобёр, – сказал я с досадой, – И людей вывел и нас отключил.

– Какая прыткая и умная декорация, явно метит в кресло управляющего, – добавила Елена.

У меня сжались кулаки.

– Думаете, он хочет ускорить процесс собственного повышения? – предположил я.

– Ну, а зачем ему ждать вашей седины или новых морщин у его многочисленных поклонниц, свет он нам отключил, сейчас пустит газ под дверь, и зацветут розочки на земельке. Спорим, он на ваши похороны принесет вам фикус?

– Скорее фигус. Не будет земельки, я кремируюсь. А вы, я смотрю, не теряете бодрость духа, Елена, ваш сарказм просто не победим, – сказал я.

– Хотите, я буду бегать по кругу, размахивать руками и истерично кричать: «Мы все умрем!», если вам станет от этого легче, – сказала она.

– А вы не боитесь смерти? – спросил я в ответ и вновь увидел серьезный взгляд.

– Все там будем, – ответила она. – Кстати, что у вас так глаза забегали, когда вы про зажигалку у меня спросили?

– Ничего они не забегали…

– А за что тогда извинились?

– Я извинился?

– Да. Второй раз, между прочим. Вот вижу вас второй раз,

и вы второй раз извиняетесь. Первый был у машины, на той неделе. У вас хобби такое за всех извинятся?

– Нет у меня такого хобби. Тогда мне казалось, что вам не приятны все эти взгляды и перешептывания…

– Думаете, мне интересно, что происходит за моей спиной?

– Не думаю…

– Тогда зачем вы говорите мне об этом?

– Не знаю. Елена, я хотел как лучше.

– Как лучше для кого? Для вас или для меня? Что вы вообще знаете обо мне?

Я посмотрел на Елену. Она давила на меня. Глаза её блестели, а лоб был нахмурен. Серьезная, напористая натура. Даже злость ей была к лицу.

– Я ничего не знаю о вас, кроме…

– Кроме чего?

– Кроме того, что вы больны, – сказал я и выразительно посмотрел на неё.

Некоторое время она смотрела в ответ, не сводя с меня глаз, а потом спросила:

– А вы здоров?

– На свете нет абсолютно здоровых людей.

– Тогда чего вы ко мне прицепились? Что вы везде свою жалость суете, когда вас не просят?

– Елена, я вас прекрасно понимаю, именно поэтому я и хотел извиниться тогда…

– Да не нужны мне ваши извинения, ваше сочувствие, ваше мнение и ваша жалость!

Я горел от стыда, Елена продолжила:

– Не нужны! Что вы извиняетесь за тех, кого считаете лицемерами, если сами в вопросе с зажигалкой губу кусаете? Жалость всё свою примеряете? Кто вас научил вешать ярлыки, кто вам дал это право? Почему вы думаете, что я несчастна, если умру раньше остальных?

– Я так не думаю!

– Тогда что вы извиняетесь без конца?

– Я просто боялся задеть ваши чувства. Мне казалось, что люди теряют волю, стремления, мотивацию, теряют свои мечты, когда узнают, что жить им осталось недолго и век их обречен. Только поэтому!

– Только поэтому? Только поэтому вы решили судить человека, потому что считаете, что умрете позже меня? И это вы так решили? Это всё ваше преимущество?

– Нет у меня никакого преимущества.

– Тогда кого нужно жалеть, Дмитрий? Быть может, я вам сейчас открою великую тайну, но продолжительность жизни, не делает человека счастливым. Счастливым человека делает доброта, понимание и любовь. И эти качества, не влияют на срок жизни, в отличие от падающего кирпича, на голову случайного прохожего. Жалость унижает нормального человека. Он воспримет это, как оскорбление собственной души, смерть над которой не властна. Тот, кто живёт ярко и сгорит

быстрее, но разве тихая и незаметная жизнь в старости, союзниками которой будет только маразм и деменция, чем-то лучше?

– Нет, конечно, – согласился я.

– Тогда в чём преимущество тех, кто проживет дольше остальных? Какая разница, сколько дней проживёт человек в своей жизни, если жизни нет ни в одном из этих дней? – спросила она.

Елена полыхала изнутри. Я позавидовал её энергии и открытым чувствам. Нет такой болезни, которая смогла бы погасить её волю к жизни. Она говорила прямо и честно, что влюбляло и воодушевляло одновременно. Я забыл про закрытую дверь. Мне хотелось обнять её, прижать посильней и никогда не отпускать. Пусть рак сожрёт наши тела, но объединит наши души. Я верил её словам, как верят истине.

– Вы во всём правы, – ответил я и тут же услышал звук включения рубильника, у нас вновь зажегся свет.

Мы встали с коробок. За дверью послышался шорох, потом замок щелкнул и дверь отворилась. Я быстро подбежал к двери и выскочил на лестницу, но услышал лишь топот ног наверху.

– И вам его, никогда не догнать, – сказала Елена, – Теперь и вы меня извините, если наговорила вам лишнего.

– Вам не за что извинятся, Елена, – ответил я и добавил, – Впрочем, как и мне.

Елена улыбнулась, и мы вышли на улицу. В кабинетах уже

никого не было. Я закрыл лабораторию и отвез Елену домой. Провожая её к подъезду, я спросил:

– Почему рядом с вами, мне хочется заново учиться жить?

– Так что же вам мешает? – ответила она и светлым лучиком угасла в подъездной темноте.

Я стоял и глубоко дышал проникновенным счастьем, пока мой сердечный ритм отплясывал самбу где-то на бразильском карнавале.

– Это всего лишь гормоны, – шептал я ночным комарам, – Всего лишь чары влюбленности. Не поддавайся им, будь сильнее.

Но было слишком поздно. Курящий на втором этаже молчаливый свидетель, в трусах горошек и майке-алкоголичке, ещё долго улыбался в след уезжающей машине какого-то чудика, который станцевал эксцентричный танец, похожий на одинокую ламбаду, прежде чем сесть в свой автомобиль и уехать.

Так выглядит счастье.

Часть вторая.
«Кубок наглости»

Подумаешь, рак!

Тоже мне, соперник! Когда ты стоишь и изнываешь перед чувствами, рвущими на части твою плоть и душу, а в собственной пятке торчит стрела амура, то зачем вообще боятся какой-то болезни, пусть даже неизлечимой, если ты словно раненный зверь, над головой которого, кружат лихие купидоны?!

Плевать!

Время такой же порок, как похоть, цинизм и лицемерие! Отдайся власти качелям времени и сойдешь с ума, от переживаний прошлого и будущего, что раскачивают твоё сознание и превращают собственную жизнь в сплошной нервоз и сожаление.

Я не хочу думать, сколько там, кому осталось. Не хочу знать, какова цена удачи. Не хочу верить в боль утраты.

Я хочу любить человека, который постиг тайну вселенной и смог ответить на главный вопрос любого гомосапиенса:

«Как отныне и навсегда полюбить мир, если он ко всем беспорядочно жесток?»

Утром я сидел в своём рабочем кабинете и постукивал ручкой об стол, в ожидании своего незаменимого помощника, на должности подсадной утки. Утка пришла, чуть опоз-

дав, и вальяжно протяпав средь женских масс полных трепета и страсти, направилась прямо ко мне в кабинет.

– Здрасти, – небрежно кинул мне Саша и, заполнив кабинет стойким запахом своего одеколона, растекся на стуле.

– Привет, – ответил я, – Ключи от склада у тебя?

– У меня, – ответил он, позевывая.

– Замечательно, значит твоя работа?

– Какая?

– Такая! Кто меня вчера на складе закрыл?

– Ааа, вы об этом, – раскинув ноги по сторонам, невозмутимо отвечал Александр, – Так это был я, я закрыл.

– И? – требовал я продолжения.

– Что и?

– Придуриваешься?

– Нет.

– Зачем закрыл?

– Хотел, как лучше для вас.

– Для меня?! – удивился я.

– Ага, – расслабленно отвечал Саша, сползая со стула, – Она красивая.

Я долго и вкрадчиво пытался разглядеть в своем помощнике, хоть малейший признак движения нейронов, под лобными долями, но в его черепушке жили только бегающие тараканы и поющие птички.

– Сашенька, а я тебя уволить хочу.

– За что?! – возмущенно крикнул он, вскочив со стула.

– За то, что ты намеренно закрыл директора института в складском помещении.

– Так я же хотел, как лучше! Все только и говорят, что… – тут Саша запнулся на полуслове и, опустив голову, замолчал.

– Ну-ну, продолжай. Чего говорят?

– Что у вас любовь, говорят.

– Большая любовь? – спросил я.

– Очень. Говорят, что вы в неё влюбились без памяти, а она умрёт скоро, жалеют, – ответил он.

– Как интересно, а ты мне чем помочь хотел, закрывая на складе?

– Ну, чтоб вам никто не мешал…

Я немного помолчал и ответил:

– Всё Саша, передумал я тебя увольнять.

– Правда?!

– Правда. Я тебя даже повысить хочу на время.

– Ух ты! Вот это правильно! А вы меня не обманываете? – смутился он.

– Нет, что ты. Вот прямо сейчас назначу директором института, в период своего отпуска.

– Вот это да!

– Да, только отдай мне ключи от склада.

– А вы мне ключи от своего кабинета?

– Нет, в кабинет ты мой не зайдешь, даже не думай.

– Тогда что мне делать?

– Делай то, что делаешь сейчас. Душись побольше одеко-

лоном, всем улыбайся и постарайся ничего не трогать, кроме девушек.

– Это я могу! – обрадовался он.

– Конечно, можешь. А теперь свали с моих глаз и закрой дверь с той стороны, где тебя любят и обожают.

Саша выскочил из моего кабинета и радостно закричал, как только за ним закрылась дверь:

– Меня повысили!

Новая брошенная косточка, пришлась по душе моим хищницам, в охоте за статус и перспективу. Они радостно подхватили это событие хоровым улюлюканьем и незамедлительно принесли дары своему новому божеству, в виде лучей радости, всесторонней похвалы, всеобщего ликования, к пустой душе и незатейливому уму Александра. Идеальный кандидат, на роль любимого растения, в женской фауне. Простой, ласковый, придурковатый, молодой, красивый и всеми любимый.

А мне пора отдыхать. Я устал, я ухожу.

Я написал два заявления, одно из которых был на отпуск, а второе на временное возложение моих непосредственных обязанностей на Баркова Александра. После чего отдал это всё секретарю и, не дожидаясь тихого разглашения, по факту моего внезапного побега, посредством пожарного мегафона, серой мышью проскочил мимо женских редутов и смылся через запасной выход в лучший мир, где мужчины и женщины живут примерно в равном количестве.

Недолго думая, я взял такси и поехал к месту спонтанных ночных танцев – дому Елены. Какая-то непостижимая сила толкала меня туда, где мне было хорошо и живут светлые чувства. У мужчин, которые долго прозябают в одиночестве, так бывает. Мне хотелось заново учиться жить. Что-то открывать в себе и людях. Побыть в обществе человека, где ещё живут надежды и любовь. И мне казалось, что этот человек Елена.

Я топтался у подъезда, переминаясь с ноги на ногу, и не решался ей позвонить, словно стеснительный школьник, влюбившийся в первый учебный день, в девочку с большими белыми бантами. В конце концов, я сделал над собой усилие и, превозмогая все морально-этические тяготы, закричал водителю маршрутки надрывающимся голосом, чтобы тот немедленно остановился на следующей остановке, невзирая на все социальные условности, а если быть точнее – просто набрал её телефонный номер.

– Алло, – хриплым голосом ответили по ту сторону мобильного устройства.

– Елена, это Дмитрий.

– А, как неожиданно… Да, Дмитрий слушаю вас.

– Вы не заняты сегодня?

– Ну не то чтобы очень, но были планы.

– Елена, я бы хотел с вами встретиться.

Пауза. Некоторое время я слушал собственное сопение в мобильном динамике.

– А с какой целью? – наконец-то спросила она.

– Мне нужна ваша помощь. Я стою сейчас у вашего подъезда. Извините, за мою напористость, я понимаю, что нельзя так нагло врываться в личную жизнь, но я хотел увидеть вас.

– Вы стоите внизу?

– Да, – ответил я и увидел, как шевельнулась занавеска на третьем этаже.

– Вы меня пугаете, Дмитрий. Я ещё не отошла от вчерашних посиделок на вашем складе.

– И я тоже… Совсем не отошёл.

– Ладно, поднимайтесь на третий этаж.

Я взлетел к её двери и вытянулся во весь рост, прежде чем она успела пересечь комнату и коридор. Быть может, нужно было купить цветы? Щелкнули замки, и подъездный мрак осветился прекрасным лицом Елены, а также парой жалких лампочек потолочной люстры квартиры, на третьем этаже.

– И снова, здравствуйте, – улыбался я.

– Проходите, – смущенно ответила Елена, придерживая одной рукой шелковый халатик, а второй дверь.

– Видимо, я вас разбудил?

– Нет, я пила чай. Будете?

– Не откажусь, – ответил я, поражаясь собственной наглости.

На кухне меня встретил огромный рыжий кот с разными глазами. Он пошевелил усищами, спрыгнул с табуретки и принялся обнюхивать мои брюки.

– Саймон, не приставай, – ласково сказала Елена и поставила чайник.

Рыжая морда выразительно посмотрела мне в глаза и приготовилась к прыжку. Прыгнув мне на колени, котик стремительно принялся мурчать, дрожать и вибрировать, словно советский холодильник, подключив свой моторчик, где-то в недрах неизведанной кошачий души.

– С тобой в наглости не посоревнуешься, этот кубок точно твой, – сказал я ласковому кошаку.

– Кажется, вы ему понравились, – улыбнулась Елена, разливая чай, – Вообще он не любит чужих. У меня редко бывают гости, он не привык к чужим рукам.

– Вы живете одна? – спросил я.

– Да, – ответила Елена и, подойдя к окну, взяла в руки резинку для волос.

Я смотрел, как тонкая и изящная фигура прекрасной Елены, контрастировала на фоне яркого солнечного света из окна, любуясь округлыми изгибами. Казалось, что само солнце мягко обнимало её за талию, ласкало своими лучами утонченные плечи и возводило светлые линии прямо к широким бёдрам, так кокетливо играющими в пестрых красках яркого халата.

Я тяжело сглотнул слюну и поймал на себе хитрый прищур Саймона, строго присматривающим за распутным гостем, своими разноцветными гляделками.

– Как же хорошо на улице, – сказала Елена, собрав волосы

в хвост и открыв окно.

Я почувствовал порыв свежего воздуха и глубоко вздохнул. Саймон спрыгнул с моих коленок и ушел, недовольно потряхивая хвостом. Сквозняк котику не понравился.

– Так о чём вы хотели со мной поговорить? – спросила Елена, присев за стол и взяв в руку кружку с чаем.

– Елена, когда вы были в отпуске?

– Год назад мне удалось выбраться на недельку, в этом ещё не случалось.

– Вот и я такой же, а сегодня у меня праздник.

– Отпуск?

– Да.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Я неловко помолчал, а потом осторожно спросил:

– А если вы мне нравитесь, и я хочу провести этот отпуск вместе с вами?

Елена отложила кружку с чаем, встала и, скрестив руки, отошла к кухонной мойке.

– Так и знала, – сказала она.

– Не понял? – спросил я.

– Дмитрий, почему бы вам не выбрать для своего рандеву, кого-нибудь из своего ближайшего окружения на работе? Там вам все будут только рады, как я поняла.

– Но я не буду рад такой компании.

– Почему? У вас много хороших и дивных девушек, я не

понимаю, зачем вы усложняете себе жизнь?

– Я не усложняю. Я просто хочу, поближе познакомится с вами. Я ведь сейчас не об отношениях, мне просто нужен человек. Человеку нужен человек, понимаете?

– Не понимаю.

– Я хочу провести время с вами, в любой точке этой планеты, какое только придет вам в голову, даже необитаемый остров. Я хочу общаться с человеком, который мне интересен, без всяких обязательств и требований. Мне нужна свобода и красота, ум и гордость, трепет и независимость, и в вас я нашёл все эти редкие и столь необходимые сочетания.

– Я сейчас попрошу Саймона, чтобы он вернул вам кубок наглости, – ответила Елена.

– Во мне нет столько рыжести.

– Уверены? Душа-то у вас точно, рыжая. Я думаю, что ваше самое лучшее жизненное воплощение было рыжим, настолько рыжим, что даже Саймон, вам не конкурент.

– Может быть, – улыбнулся я, удивлённый таким сравнением, – Елена, вы будете моим другом? Если нет, я только извинюсь и просто уйду. Жизнь слишком коротка, чтобы терять время на мнимые уговоры и скучных людей. Если я для вас такой, то смело шлите меня куда подальше.

Елена посмотрела мне в глаза.

– Вы же совсем не знаете меня, ваши представления избыточно завышены, – тихо сказала она.

Я засиял, понимая, что это победа.

– Самое главное, что мне нужно знать – я знаю, – ответил я.

– И что же это? – удивилась она.

– Вы умеете жить, – ответил я.

Елена расслабилась и, чуть помолчав, спросила:

– А вы нет?

– А я так и не научился.

Некоторое время Елена молчала и ковыряла пальчиком правой ноги свой пушистый ковер, о чём-то призадумавшись. От этого самого пальчика и вверх до самых кончиков её волос, проходила моя персональная тропа вожделения, по которой скользил мой одержимый взгляд под барабанный стук моего сердца. Беспощадная щитовидка погружала меня в гормональную бочку с эндорфинами, в которой и утонул мой пылающий разум.

– У вас есть автомобильные права? – спросила она, слегка улыбнувшись.

– Конечно, – ответил я.

– Тогда ждите меня на улице, – ответила она.

Я спустился вниз к лобную месту, где ещё вчера разучивал танец амурных флюидов, на потеху неизвестного молчаливого свидетеля. Елена спустилась через пятнадцать минут. В одной руке у неё была сумка-переноска, в которой восседал недовольный Саймон, а в другой небольшая сумочка на колесиках.

– У меня есть одно условие, – сказала она.

– Все, что пожелаете, – ответил я.

– Вы обещаете, что наша поездка пройдет под знаменем дружбы, а не любви и отношений.

– Обещаю, – ответил я.

– Договорились, – сказала она и протянула руку, которую я слегка пожал.

– Ну что, куда летим? – спросил я с энтузиазмом.

– Я ненавижу самолеты, – ответила она.

– Тогда поезд?

– Нет.

– А что же тогда? – спросил я недоуменно.

– Автомобиль, – сказала она и протянула мне ключи с брелоком.

Я нажал на кнопку открытия, и мне подмигнула фарами маленькая красненькая машинка, стоящая неподалеку.

– Ну, мы же не уедем на ней так далеко, как хотелось бы? – удивленно спросил я.

– А с чего вы взяли, что лучший мир и счастливая жизнь не у ваших ног? – проницательно ответила Елена.

Я забрал у неё сумочку и пошел к маленькому автомобилю, открывающим для меня двери, к большой и неизведанной части вселенной, имя которой – любовь.

Часть третья.
«Легенды и мифы»

– Это здесь, – сказала Елена, показывая на обычный пустырь из одуванчиков, низкорослых кустарников и прочего малоизвестного бурьяна, сорта которых, лень изучать даже самым заядлым ботаникам.

Я озадаченно почесал за головой и вышел из её автомобиля.

– Вы уверены? – спросил я, – Мы двести километров проехали, чтобы на одуванчики посмотреть?

– И не только, вы удивитесь, идём, – ответила она.

– Я уже удивлен! Тут нет озёр, нет водопадов, нет мест, где встречают розовые закаты под треск скворчащих на огне сарделек и писк надоедливых комаров.

– Вы ждали романтику? – удивленно спросила Елена.

– Ну да, а бывает что-то лучше в этом мире? – сказал я.

– Бывает не лучше, бывает сильнее, – ответила она.

Мы прошли несколько сотен метров по густой траве, и она остановилась у груды камней.

– Это было здесь, – сказала она.

– Где? – смотрел я вокруг, ничего не понимая.

– Прямо здесь, под вашими ногами.

– Но здесь ничего нет, кроме обычных камней.

– Эти камни необычны, они помнят историю.

Я поднял один маленький камешек и осмотрел его. Обычный такой булыжник. Немного грязный, чуть обугленный. Я понюхал его и произнес:

– Пахнет камнем. На вкус наверняка тоже. Пробовать боюсь.

– Смеетесь? – спросила Елена.

– Елена, мне кажется – это вы смеетесь надо мной. Скажите, зачем мы приехали топтаться по траве и смотреть на кучку камней?

– Чтобы помнить, – ответила она серьезно.

– Помнить, что?

– Помнить историю человека, которому удалось уйти непобежденным, под гнётом своей судьбы.

Я понял, что мне лучше помолчать и послушать.

Елена продолжила:

– Это было давно. Здесь погибла молодая девушка. Её сожгли на костре, посчитав ведьмой. Она родилась в простой семье, отец её погиб на войне, а мать не смогла перенести тяжёлого горя и усыхала на глазах. Девочка посвятила свою жизнь работе над поиском лекарственного снадобья. Она собирала травы, измельчала, сушила и смешивала в разных пропорциях. В конце концов, она смогла найти нужные компоненты, и мама быстро шла на поправку. Но девочка не остановилась на этом. Её рецепты помогали многим людям в поселениях. К ней ходили с разными недугами, и она старалась всем помочь. Молва о девочке-лекаре быстро рас-

пространялась, и однажды, к ней явился высокопоставленный человек, при государственной службе. Он сказал, что царь тяжелобольной, у него отказали ноги и ему нужна помощь. Девочка согласилась помочь и долго выхаживала царя, прежде чем он пошёл на поправку и снова встал на ноги, но отблагодарить он её не успел.

– Что же случилось? – не выдержал я.

– Его убили. И во всём обвинили девочку. Новый царь приказал сжечь ведьму и обвинил её в цареубийстве, сказав, что это она отравила царя своими снадобьями.

– Девочку вовлекли в круговорот дворцовых интриг и переворотов, – сказал я.

– Именно, – ответила Елена.

– И что, вот прямо здесь было то самое лобное место, где живьем сожгли невиновную простолюдинку? – спросил я.

– Её и ещё сотни других, молодых девушек.

– Как сотни?!

– У той девушки, была одна особенность. Она была огненно рыжая. Настолько рыжая, что в тёмном винном погребе, от одного её появления, становилось светло как днём, но при этом, совершенно не становилось светло в темных душах, злобных людей. Именно они посчитали, что все рыжие девушки – априори ведьмы. Им показалось мало мучений молодой лекарши. Они придумали суеверие и насильно стаскивали сюда всех рыжих девчонок, со всех поселений и жгли невиновных заживо, да без разбору, на потеху зеваю-

щей публике и новому царю.

– А тому нравилось?

– Ну, ещё бы, он ликовал и посмеивался над глупыми и наивными людишками.

– И что, так продолжалось, пока не истребили всех рыжих в округе? – спросил я.

– Нет.

– А что тогда?

– Война пришла. Как-то стало не до этого. Да и все рыжие быстро смекнули, что им лучше красить свой натуральный цвет или вовсе не попадаться на глаза, праздно шатающимся дуракам.

– Печальная история, но я хочу задать вопрос, – сказал я.

– Так задавайте.

– Почему вы считаете эту историю сильной? – спросил я.

– Потому что девушка, прежде чем её успели убить, прибежала сюда, на этот самый никому не нужный пустырь и собрала здесь лекарственные растения, которые тут же передала своему младшему брату, тем самым показав ему рецепт, для лечения своей мамы. А потом к ней стали подходить люди, которым она помогала от всяких хворей и болезней.

– Зачем это?

– Чтобы узнать, как лечится, после того, как они её сожгут.

– И она всем помогла…

– Именно. Ещё и места показала, где что растет и когда

надо собирать.

– А после её схватили и потащили убивать мучительной смертью, потому что ведьма, – задумчиво произнес я.

– Царь-батюшка приказал, он не обманет, – заметила Елена.

– А знаете Елена, что самое главное в этой истории, по-моему, мнению? – спросил я.

– И что же?

– То, что за всё это время, людская сущность в корне не изменилась. Мы и сейчас готовы убивать ради потехи, всех самых лучших и всех самых честных, просто потому что они, это не мы.

– Быть честным – значит страдать, быть счастливым – значит вызывать зависть, суть людская, от этого не меняется, – добавила она.

Я ещё раз посмотрел на груду камней. Как много они могли бы рассказать о жестоких людях, что не умеют любить. О злых людях, которым неведомо счастье.

О тех людях, что не пожелали слышать и видеть чистое и непорочное божественное творение, воплощенное в маленьком, хрупком и юном теле рыжей девочки, которая за свою короткую, но яркую жизнь, смогла залечить многие раны и болезни, что рвали человеческую плоть, ради спасения больной души.

– Дмитрий, может, хватит смотреть на камни? – спросила меня Елена, с луковой улыбкой, – Нам пора отправляться в

путь.

Мы вновь сели в машину и помчали дальше. В этот раз за руль села Елена. Саймон выполз из переноски и улегся у меня на коленях.

Я крепко задумался. Сколько раз я сам проезжал мимо этого места и даже подумать не мог, что каждая песчинка или травинка хранит в себе какую-то тайну, чей-то подвиг или чью-то трусость. С Еленой было легко и высоко. Мне казалось, что я обретаю смысл в мелочах. В простом понимании и раскованности, рядом с малоизвестным человеком, я находил своё счастье. Мне хотелось смотреть на траву, камни, да хоть на бранное слово, написанное на чужом заборе, лишь бы рядом был человек, который тебя понимает. Рядом с которым легко. Рядом с которым, не нужны никакие маски и фильтры, что беспрестанно копит в себе человек, вращаясь в социальных кругах и соблюдая всем известные нормы приличия, что прививаются с детского сада.

Ковырять в носу и пукать – это плохо. Вежливо молчать и уступать – всегда хорошо. Будь хорошим и уходи тихо, чтобы о тебе даже камень ничего не вспомнил.

Тем временем наш маленький автомобиль, покорял большие дороги и многокилометровые расстояния, в поисках новой истории, плавно возвышаясь на небольшое холмистое нагорье. Мы остановились у подножия небольшого холмика, как только закончилась асфальтированная дорога, и продолжили свой путь пешком, к самой его вершине, прихватив с

собой бутылку воды и рыжую пушистую утварь.

Как только мы вскарабкались по народной тропе на самый верх, нашим глазам открылся прекрасный вид на речку, лес и автомобильную дорогу, уводящую городских жителей в мир дачных угодий.

Саймон немедленно заводил своей носопыркой, запасаясь свежим воздухом и продувая пыльные кошачьи ноздри.

Я огляделся вокруг и сказал:

– Камней нет, а если здесь никого не жгли, значит, бросали слабых и некрасивых прямо с этого холма, угадал?

Елена улыбнулась:

– Здесь погиб храбрый воин, – сказала она загадочно.

– Он был рыжим? – спросил я.

– Нет, – ответила Елена, – Но у него были другие отличительные способности.

– Какие, например? – поинтересовался я.

– Например, скромность, вежливость, благородство и умение слушать, – ответила Елена с акцентом на последнее слово.

– Тогда я весь во внимании, – ответил я и уселся на поваленное сухое дерево.

– Это был самый лучший воин на службе королевы. Ему поручали самые важные и ответственные задания. Он с гордостью носил рыцарский титул и всегда был готов погибнуть в бою, защищая интересы короны и государства. Но судьба распорядилась иначе.

– Что опять предательство? – спросил я.

– Ну, не без этого, – ответила Елена, – развлечений в средние века было немного, поэтому смена власти была просто жизненной необходимостью, для поддержания социального тонуса.

– Если власть не хочет разграбления чужой казны, значит, будет грабить свою, а такую власть надо срочно менять, – добавил я.

– В этот раз, королева хотела простого мира и повсеместного развития, – ответила она.

– Тогда кому же она не угодила? – спросил я.

– В королевских покоях было два брата близнеца. Они были ближайшими родственниками королевы. Один из них был очень умным и хитрым. А второй был просто злым и властолюбивым. Тот, что был поумнее и подговорил своего братца убить королеву и взойти на престол, что тот и незамедлительно сделал.

– Вот так просто?

– А чего там раздумывать, когда на кону трон, а ты вчера достиг совершеннолетия.

– И что же случилось дальше?

– Маленькая и тихая фрейлина, что всегда была рядом и очень любила королеву, видела, кто убил её, и немедленно прибежала к храброму рыцарю, чтобы рассказать ему о случившемся. Убийца королевы тут же пустился в бега. А рыцарь, вместе с фрейлиной, прыгнул на коня, и помчался за

цареубийцей, загнав его на этот самый холм.

– И он убил его? – спросил я с надеждой.

– Разумеется. Он подошел к краю холма. Достал свой меч из ножен и отрубил ему голову одним ударом, – ответила Елена.

– Так что же получается, это хорошая история возмездия? – удивленно спросил я.

– А вы сомневаетесь в этом?

– Меня смущает тот хитрый брат.

– Вот он то и поджидал нашего рыцаря здесь, куда и направил бежать незадачливого братца. Как только он увидел, что его родной брат обезглавлен, он схватил молодую фрейлину и приставил ей нож к горлу, приказав рыцарю повиноваться ему и выбросить свой меч.

– Здесь благородство тоже проиграет? – печально спросил я.

– Он бросил свой меч и услышал от второго брата требование, чтобы тот прыгал с обрыва, иначе он убьет прекрасную девушку.

Я подошёл к краю обрыва и посмотрел вниз.

– Рыцарь прыгнул и тут же разбился. Следом за ним упала вниз и прекрасная фрейлина, которую хитрый брат столкнул вниз.

– Он стал царем? – спросил я.

– Да – это и был его план. Убить королеву не своими руками, потом рыцаря и единственного брата, что по совмести-

тельству, был вторым законным претендентом на трон.

– Сколько хороших людей погибло, – сказал я, – И почему мир так несправедлив?

– Потому что в нём живут люди. Мы с вами. А мир здесь не причём. Люди делают этот мир таким.

– И что же делать? – задал я странный вопрос.

– Принять это всё таким, каким оно есть. Как принять факт существования пчелы и мухи. Одна всегда ищет цветы и собирает нектар. Вторая ищет известную субстанцию, чтобы хорошенько в ней поваляться и полакомиться. Но парадокс в том, что пчела никогда не станет искать чьи-то фекалии, как и муха искать цветовых лугов. Обе живут в одном мире, но видят его по-разному. Кому-то нужна грязь, а кому-то цветы и всё это можно найти, на одной планете.

– Я бы хотел ещё послушать ваших историй, – сказал я Елене.

– Осталась всего одна и для этого, нам нужно попасть к одному родовому поместью, – ответила она.

– Если нам не придётся покидать родные края, то ближайшее поместье – это усадьба Потаповых, местных миллионеров, которые давно выкупили здание исторической эпохи, – сказал я.

– Не придётся, – ответила Елена, как-то странно нахмурившись.

– Что ж, тогда я знаю, как туда проехать, – сказал я.

Мы сели в машину и поехали к поместью, которое счи-

талось исторической достопримечательностью. Елена почему-то напряженно молчала. Она нравилась мне в любом агрегатном состоянии, будь-то грусть и печаль или радость с улыбкой. Она по-всякому была хороша. На неё хотелось смотреть и любоваться, словно чистым голубым небом. Дышать ей, словно морским бризом и видеть каждое утро её прекрасное лицо, словно солнечный рассвет. Мне хотелось раствориться вместе с ней в пыль и улететь в небеса.

Мы въехали в город, и я свернул на дорогу, которая уходила вверх к поместью. Наверху уже стоял туристический автобус, гид что-то кричал в мегафон и пытался собрать группу воедино.

– Остановитесь здесь, – вдруг сказала мне Елена.

– Но мы можем подняться вверх, к самому дому, – возразил я.

– Нет, прошу вас, я расскажу вам эту историю именно здесь, нам не нужно подниматься так близко.

– Хорошо, – ответил я удивленно.

Мы вышли из автомобиля. Елена поправила волосы и мельком взглянула на большое историческое поместье. Она была как-то странно напряжена.

– Здесь прожила не одна семья, и сменился не один род, – начала она свой рассказ, – Но у этого поместья, есть одно негласное название, о котором мало кто слышал. Раньше, его называли домом Божьего гнева и считали проклятым.

– Речь идёт о приведениях, пытках и всяких ужасах? – с

шутливым энтузиазмом поинтересовался я.

– Нет, речь идёт о любви, – сказала Елена и, пристально посмотрев на меня, добавила:

– И вам стоит очень внимательно послушать эту историю.

– Так, – сказал я, мгновенно став серьезным.

– Здесь жила богатая, пожилая пара, у которых в жизни было всё, кроме детей. И это их очень расстраивало. Они не сдавались и молили Бога, чтобы он послал им хоть одного ребенка – утешение в их мучениях. И в одну прекрасную ночь, им обоим приснился сон, в котором строгий голос сказал, что пошлёт паре ребенка-девочку, но с одним условием: как только она достигнет возраста совершеннолетия, в их дом ударит молния и к ней придёт сын Божий, чтобы забрать её на небеса. Вскоре поместье облетела радостная весть – пожилая пара ждала пополнения. А через несколько лет у их дома уже бегала маленькая светленькая девочка, с прекрасными голубыми глазами, которую звали…

– Елена, – не выдержал я.

– Хорошо, пусть будет Елена, – ответила она, – Разрешите, я продолжу?

– Да, конечно, простите, – сказал я.

– Елена быстро росла и становилась всё прекрасней день ото дня. Много женихов сваталось к ней, но родители даже близко никого не подпускали, всячески её оберегали и очень любили. А она любила своих родителей. И вот, однажды, глубокой ночью, накануне её совершеннолетия, всё поместье

было разбужено яркой вспышкой и последующим раскатом грома – в их дом ударила молния. Следом, в ворота постучали неизвестные люди, которые сказали, что к ним с визитом едет неизвестный принц. Родители помнили вещий сон и приказали охране открыть ворота. А на утро, принц уже стоял перед родителями и прекрасной Еленой. Принц был молод, статен и красив. Он гулял с Еленой по родовому поместью, они прекрасно проводили время и нравились друг другу. Родители тоже радовались их союзу и дали своё незамедлительное согласие, на их скорую свадьбу. Принц попросил руки у прекрасной Елены, и та ответила согласием, но при одном условии, что она не покинет отчий дом и будет оставаться здесь до тех пор, пока её родители не уйдут в лучший мир.

– И что сделал принц? – спросил я с нетерпением.

– Принц очень возлюбил Елену и ответил согласием. Они сыграли свадьбу, а на следующий день, родители прекрасной Елены, просто не проснулись. Она тут же обвинила прекрасного принца в тайном убийстве и отказалась уезжать с ним куда-либо. Следующая ночь была очень пасмурной и дождливой, шла гроза, Елена плакала и сотрясалась, от каждого удара грома. А на утро принц исчез, а в их дом постучались разбойники. Они перебили всю охрану и, схватив Елену, хотели похитить её, но как только карета выехала за пределы поместья, рядом с повозкой ударила молния, и на её месте появился прекрасный принц. Он отбил Елену от разбойни-

ков и спас её, после чего вернул в поместье. Он сказал своей возлюбленной, что вернулся на эту землю с одной целью – любить и оберегать её покой и, если она примет его расположение вновь, то готов жить с ней до конца жизни там, где она захочет.

– И она согласилась? – спросил я.

– Она простила его и ответила своим согласием, они счастливо прожили какое-то время, но вскоре она заболела и стала чахнуть, прямо на глазах прекрасного принца. Принц очень сильно разозлился и, подняв голову к небесам, спросил своего отца, почему он не даём им быть вместе. Тот ответил, что жить, им дано, только на небесах, а здесь им покоя не будет. И если он сегодня же не вернется наверх, то проклянет поместье и навсегда разлучит их, лишив принца возможности посещать эту землю, в качестве своего сына.

– И принц вернулся на небеса? – спросил я.

– Нет, утром он проснулся уже человеком, рядом с Еленой, которая была холодна.

– Она умерла?!

– Да, Елены рядом с ним уже не было. Принц похоронил её рядом со своими родителями и жил в этом поместье, до конца своих дней. Он прожил очень долгую жизнь в одиночестве.

– Эту историю рассказывают туристам? – спросил я.

– Нет, её знают только те, кто жил в этом поместье и читал архивы, – ответила она.

Я стоял и смотрел на дорогу к поместью, пытаясь переварить все истории, что рассказала мне Елена. День уже превращался в ночь, и наша прогулка подходила к своему завершению. Мне совершенно не хотелось расставаться с Еленой, и я пытался найти предлог, чтобы мы были вместе ещё какое-то время. Елена молчала, о чём-то задумавшись. Вдруг я увидел, как по дороге съехало два автомобиля – белый лимузин с личной охраной. Из лимузина выскочили пожилые люди, мужчина и женщина. Они быстрым шагом направились к нам.

– Мама, – почти шепотом произнесла Елена.

– Леночка! – крикнула женщина и, подбежав к ней, крепко обняла.

Следом подошёл мужчина и так же обнял Елену.

– Мы уже и не надеялись, – сказал мужчина и, достав платок из кармана пиджака, вытер им красные глаза.

Внезапно для себя я понял, что это семья Потаповых, владельцев того самого поместья, историю которого мне рассказала Елена.

– Дмитрий, это мои родители, Виолетта Александровна и Сергей Тимофеевич, – спокойно произнесла Елена.

– Очень приятно, Дмитрий, друг Елены, – сказал я, кивнув её маме и пожав руку отцу.

По виду Елены, стало понятно, что она напряжена и совершенно не рада встрече со своими родителями, в отличие от них.

– Пожалуйста, не уходи от нас, поехали с нами домой, – сказала мама Елены.

– Хотя бы на ужин, – добавил её отец.

– Пойдемте Дмитрий, посмотрите на поместье вне экскурсионной программы, – сказала мне Елена и направилась к автомобилю, прежде чем я успел, что-либо сказать.

Мы быстро взлетели наверх по крутой дороге, объехали туристические автобусы и заехали прямо во внутренний двор исторического здания. Нас проводили на второй этаж, где мы сели в большом зале с колоннами за обеденный стол. Я сел возле Елены, а родители напротив нас. Некоторое время мы молчали, нам принесли горячее, после чего глава семейства попросил удалиться всю прислугу и закрыть за собой двери. Все это время, отец и мать не отрывали глаз от Елены, совершенно не обращая внимания на моё присутствие. Елена тихонько ела суп и была совершенно невозмутима.

Мне казалось, что в такой плотной и напряженной тишине, что воцарилась за ужином, столовые предметы можно было подвесить прямо в воздухе. Я молчал и ждал, что же произойдет дальше.

– Мы можем поговорить? – не выдержал отец.

– Ты знаешь, чем всё это кончится, – ответила Елена, даже не посмотрев на отца.

– Пусть она покушает, не начинай, – сказала мама отцу.

Я попробовал суп. Он оказался очень вкусным и навари-

стым. Кажется, это была солянка на говяжьем бульоне.

– Лена, мы себе места не находим, – сказал отец раздраженно, прихватив себя за рубашку, в районе сердца, – Мы даже не знаем, где ты живешь!

– Сережа, не заводись, – сказала Виолетта Александровна.

Лена промолчала. Я выловил серебряной ложкой оливку из супа и положил её на салфетку. Оливка растеклась красноватым оттенком по бумажной поверхности. Не уверен, что кидаться оливками на салфетки принято в высшем обществе, но я ненавижу оливки.

– Путь она хотя бы расскажет, где была и чем занималась! – сказал отец.

– Леночка, мы очень волнуемся, – добавила мама.

– Мне что, опять пятнадцать лет? – спросила Елена, продолжая кушать.

Я слегка надавил ложкой на оливку. Салфетка начала впитывать красную жижу, становясь при этом мягкой и прозрачной.

– Почему ты так разговариваешь с нами, я не понимаю! Чем мы это заслужили?! Мы что тебе зла желаем?! – начал возмущаться отец.

– Сережа, успокойся! – успокаивала его мама.

– Я что ей враг что ли?! Где мы не так её воспитали?! Нет, ты объясни мне, в чём я виноват, ведь я ей только добра желаю, а она лечится не хочет!

Звон резко брошенной ложки в суп, отозвался громким

эхом, по всей площади огромной столовой. Елена сильно сжала маленькие побелевшие кулачки и посмотрела на отца.

– Это ты меня воспитал? – спросила Елена.

Отец опустил глаза. Я надавил на оливку так, что она распалась на две половинки. Сок из неё вытек, и совсем намокшая салфетка под ней растворилась, обнажив дубовую, резную поверхность стола.

– Ты воспитал?! – продолжила Елена.

– Леночка, не надо, у папы сердце, – тихо сказала мама.

– Где ты был со своим лечением, когда заболела моя няня, которая проводила со мной все своё время? Болтался на яхте с любовницами?! Может ты воспитывал меня, когда уехал с мамой поднимать свою корпорацию на несколько лет? А когда отправил меня, против моей воли, учится в престижный университет в другую страну, ты меня так же воспитывал? А после, заставил выйти замуж за сына своего партнера, чтобы получить выгодные контракты, там ты тоже был любящим отцом?!

Красная дыра, от говяжьего бульона, на растворяющейся салфетке, становилась все больше. Две разваренные половинки оливки отдавали последние соки. Ещё чуть-чуть и она отдаст последние капли, станет сохнуть и твердеть, потеряв свой вкус.

– Леночка, он очень любит тебя, доченька, – сказала мама.

– Мама! Кого он любит кроме своих денег?! Почему ты всю жизнь защищаешь его и никогда даже не попыталась по-

нять меня?! Он отказался помочь детскому приюту, после того, как узнал, что я проводила там всё свободное время, общаясь с детьми! Испугался, что я захочу кого-то усыновить! Он испугался за свои деньги!

Я посмотрел на её отца. Старый, больной старик. Насколько он богат, настолько и несчастен. Лицо его наливалось кровью, щеки стали пунцовыми, он вдруг вскочил и крикнул, брызнув слюной:

– Заткнись, неблагодарная! Ты росла лучше всех детей в этом городе! У тебя было всё, что ты хотела! Подарки, украшения, развлечения! Ты могла бы стать кем угодно! А теперь, ты бегаешь от нас, по всему городу и работаешь в каком-то бомжатнике, продавая пилюли! Нашла себе какого-то оборванца и шляешься с ним при живом муже!

Елена побелела и закашляла, ей стало плохо.

– Уведи меня отсюда, – тихо сказала она и, обмякнув, положила мне голову на плечо.

Я померил её пульс, она слабела и теряла сознание. Быстро схватив её на руки, я побежал к выходу.

– Стойте! Мы вызовем врача! – закричала мама Елены.

– Звони Дурову! Пусть устроит её в платный кабинет центра онкологии! – добавил отец.

– Нет, пожалуйста, – шептала Елена и глаза её теряли блеск.

Я обернулся и, посмотрев на отца, сказал:

– Тут я врач, – после чего быстро побежал по мраморным

ступенькам вниз к нашему автомобилю.

Я отвез Елену в ближайшую больницу с реанимацией. Всю дорогу она-то приходила в себя, то снова теряла сознание. Всякий раз, когда она открывала глаза, я видел, что она плачет. Мне захотелось уничтожить все зло в этом мире, чтобы хоть чуть-чуть унять её боль.

Я влюбился в неё до беспамятства.

Через несколько дней её перевели в общий стационар, и я приехал её навестить.

– И вот ты снова сияешь, – сказал я, заходя в палату и положив цветы на тумбочку, спросил:

– Как самочувствие?

– Мне полегче, – улыбнулась Елена, – Не знаешь, когда меня выпишут?

– Уже готова к новым подвигам? – поинтересовался я.

– Просто рвусь изнутри, под напором энтузиазма, – ответила Елена.

Я взял её за руку. В ярком солнечном свете, глаза её казались изумрудными.

– Я боялся потерять тебя, – сказал я шепотом.

Елена внимательно посмотрела на меня.

– Ты должен понимать, что этот момент всё равно настанет, рано или поздно.

– Я хочу провести с тобой всё оставшееся время, – сказал я и поцеловал её руку.

– Мы же договаривались, – сказала Елена и убрала руку, –

Никаких отношений. Я так не смогу.

– Тогда разреши мне просто быть с тобою рядом.

– Этого я не могу тебе запретить.

– Что ж, тогда надо тебя быстрее отсюда вытаскивать, – сказал я.

– А вот это уже хорошее предложение, – ответила она.

– Пойду искать главного врача, – сказал я.

– Дима, а где Саймон? – спросила Елена.

– Твой кот в надежных руках, поедает мясные паштетики, хватает меня ночью за пятки и дерёт виниловые обои в холостяцкой берлоге, – ответил я.

– Это на него не похоже, видимо рыжик совсем заскучал.

– Ничего, скоро я привезу его хозяйку, и он снова воспрянет духом, – ответил я.

Елена странно посмотрела на меня и спросила:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что тебе нужен уход. Хотя бы на время. Одну я тебя не оставлю. Даже с разноглазым котом.

– Глаза у него одинаковые, просто цвет разный, – улыбнулась Елена.

– Пойду искать главного, – ответил я.

Вечером я привез Елену к себе домой и сразу ощутил, как дом холостяка наполнился теплотой, уютом и комфортом. Складывалось такое ощущение, что через мгновение на столе появятся горячие пирожки, в стиральной машине закрутится бельё, а утюг и кастрюля, начнут свой поступательный

нагрев, для глажки стрелочек у брюк и варки борщей.

Но Елена плохо себя чувствовала и большую часть времени просто отдыхала, изредка просыпаясь для приёма таблеток. Отпуск мой закончился, утром меня ждали на работе. Я завёл будильник и лег спать. Кот Саймон пощекотал усами мой подбородок, немного помурчал и отправился в соседнюю комнату, присматривать за своей хозяйкой.

Я понимал, что эта история без хорошего конца, но совершенно не хотел принимать будущую безысходность. Я всё еще витал в этой романтической поездке, её историях, запахе её волос, тонких взглядах, мимолетных улыбках и неожиданном конце, где главная героиня смертельно больна, а главному герою предстоит пронести её бессознательное тело на руках, чтобы спасти хоть на время.

Серые будни заиграли новыми красками и вновь стали серыми. Я приехал на работу. Дома меня всё еще ждал кусочек личного счастья, но я понимал, что он тает словно лёд, под воздействием теплоты скорого времени. И беда была в том, что сам я таял медленнее, чем она. Это угнетало меня и обезличивало.

Мне оставалось только сидеть в кресле директора медицинского института и бессмысленно клацать авторучкой с отрешенным видом. Так бывает, когда ты посмотрел хороший фильм, окунувшись в атмосферу которого, тебе совершенно не хочется из него возвращаться, но хронометраж кончился, экран погас, зрители разошлись, а ты всё сидишь

и ждёшь продолжения.

Я перестал щелкать авторучкой, выругался и выбросил её. Ручка ударилась о чистый лист бумаги лежащей на столе, презрительно щелкнула и улетела восвояси. Только сейчас я заметил, что чистый лист являлся перевернутой запиской. Я развернул её, прочитал и тут же выбросил в урну.

«*Мне тут стало скучно. До новых встреч. Барков. А.*» – короткая и бессмысленная запись моего бывшего помощника, ещё пыталась заново развернуться и принять эталонную форму в подстольной мусорке, но была окончательно поглощена многочисленными деформациями и погибла под суровым давлением, лакированного ботинка.

За дверьми моего кабинета стал нарастать шум женских каблуков, после чего, за полупрозрачным стеклом, возник силуэт женской фигуры. Постучавшись, ко мне зашла девушка из отдела кадров и произнесла:

– Дмитрий Николаевич, там, на место Баркова, пришла какая-то молодая девушка, немного странная, сказала, что ей нужно переговорить с вами лично, о каком-то проекте.

– Хорошо, сейчас спущусь, – ответил я.

Я спустился на несколько этажей вниз, в приёмную. Там сидела красивая рыжая девушка, её звали Дарья. Лицо её как будто поцеловало солнце. Она что-то говорила о новых лекарствах, собственных изобретениях, вирусах, геномах, а я всё слушал её и вспоминал историю Елены. Ровно с таким же рвением, рыжая девушка из прошлого хотела всех спасти и

вылечить. Всех-всех на этой планете. Такая же бойкая, сильная натура, твердая в своих решениях и знающая чего она хочет. И как мир ответил ей?

Я попытался её вразумить. Мне хотелось остановить её порыв, вернуть с небес на землю и снять розовые очки. Реальность такова, что мир поглотит её стремления и если не сожжёт, предав костру инквизиции, то точно сведет на нет все-то хорошее, что ещё есть в её характере и мотивах.

Молодая и упрямая. Гордая и энергичная. Она тихо собрала все свои разработки, исследования, проекты, в скромный пакетик и пошла к выходу, сказав мне напоследок:

– А если завтра, тяжело заболеют и ваши близкие люди, вы тоже предложите им только капли в нос?

Я понял, что это мой последний и единственный шанс в погоне за своей любовью, ради которой мне придется изменить целый мир.

Часть четвертая.
«Шах и мат»

– Так кто из нас порок? – спросил Барков.

– Я тут главный порок, – ответил я и вытащил пистолет Романа, – Я хотел вылечить всё и всех, гоняясь за своей одержимой любовью. Я хотел мира во всем мире, не меняя главной людской сути. Я хотел побед, без поражений, любви, без обязательств, счастья без страданий. Я тот самый идеалист, что верил в мир, людей, добро без зла и Бога без Дьявола. И ничего сейчас нет в моей душе, кроме одного – любви к человеку. И я готов ради неё убивать, страдать и жертвовать.

Я направил пистолет на Баркова.

– Как прекрасно, – сказал Барков и посмотрел на Марию, – Ты дала ему пистолет, который невозможно увидеть. Правила против правил. Пчёлы против меда. Помощь людям ради собственного эго, злой Барков, злой, убить и закопать, мозги в асфальт, кровь и кишки, просто милая и страстная девочка, преисполненная любовью и состраданием. Хороши ход, но… он все равно слаб. Слаб и жалок, как все вы тут.

Мария напряглась, отпустила руку Романа и сделала шаг к Баркову. Генерал хлопал глазами, а я держал эту гнусную тварь под прицелом пистолета.

– А вот и мой ответ, тебе, Мика, – сказал Барков, – Дима, а что за странная записочка лежит у тебя в другом кармане

куртки? Кажется – это я тебе её дал, прежде чем ты вышел к Роману. Может быть, там что-то о Елене? Я хочу, чтобы ты прочитал её прежде, чем добро победит и справедливость восторжествует! Пусть это будет моим последним желанием, а потом стреляй!

Барков демонстративно порвал свою майку и оголил грудь, ожидая выстрела. Он отвернулся и зажмурился.

– Не смей её брать, слышишь! Не бери эту записку! Не читай её! Просто убей его и всё закончится! Елена будет в безопасности! – закричала Мария и пошла ко мне на встречу.

Я уже совершенно ничего не понимал. Не понимал где добро и где зло. Я только знал, чего хочу сам. Хочу, чтобы я был с ней и ей больше ничего не угрожало.

– Стой! – остановил я Марию, – Я знать не знаю кто ты. Стой на месте! И ты Роман не смей двигаться! Ты вообще сказал нам, что он мёртв! Все стойте на своих местах!

Я потянулся рукой в карман и взял записку:

«*ЛЮБОВЬ*» – было написано на одной её стороне.

– Нет, нет… – шептала Мария.

– Шах, – произнес Барков.

Я перевернул записку на другую сторону:

(ТЫ ПРАВДА ДУМАЛ, ЧТО СМОЖЕШЬ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ?)

Как будто холодный ветер подул мне прямо в душу. Так вот он, конец истории. Истории на моей планете и во всех моих воплощениях. И этот сильный и мужественный Роман

– это я. Настоящий воин правды. Вот он стою и выжидательно смотрю, ещё не зная, что мне предстоит пережить. И вот она прекрасная Мика, острые ушки, теплые, оранжевые глазки. Где-то там, в сырой земле покоится тело юной Дарьи, яркой и беспристрастной девушки, жизнь которой, трагично прервалась в самом расцвете сил…

Истории повторяются. Я в финале. И я могу сейчас победить. Но какой ценой? Сдать последний экзамен на тему любви и тем самым потерять её навечно, войдя в неизвестную закрытую дверь.

Вопрос парадокса: Отпустить любовь, чтобы её победить?

Разве я могу, это допустить?

Разве я хочу идти куда-то и делать что-то, что выше моих чувств?

Разве я хочу терять любовь к простому человеку, ради власти над ним?

Бирк – это знал. Он всех переиграл. Холодно и расчетливо.

– Он победил, – сказал я и выстрелил дважды.

– Мат, – сказал Барков.

Он всё-таки заставил меня творить зло, во имя любви.

Я провалил этот экзамен.

– Убийца! – сказал мне Бирк и засмеялся.

Генерал застыл в воздухе. Кажется, я перестал дышать. Вся планета вдруг остановилась. Время потеряло ход. Меня накрыло белой пеленой, и я вновь очутился перед комисси-

ей.

Барков ликовал. Председатель вновь что-то писал. Мика сидела, держась за голову, посмотрев на меня, она спросила:

– Как ты мог?

Я опустил глаза.

Я просто хочу вернуться назад.

Туда, где я счастлив.

– Испытуемый, вы провалили третий тест, – обратился ко мне председатель, – Можете быть свободны.

Я подошёл, к своей планете и, бережно взяв её под руки, вышел из кабинета. На выходе меня встретил мой однокурсник, со своим новым проектом.

– Ну как? – спросил он меня.

– Всё хорошо, – ответил я.

– Сдал? Поздравляю! – сказал он мне, – Ну что там дальше, за дверью?

– Не сдал, не знаю, – ответил я и направился к себе в келью.

– А чего ж тогда хорошего?! – он озадаченно посмотрел на меня и, покрутив пальцем у виска, пошёл сдавать экзамен.

Я поставил своё творение перед собой на рабочий стол, за которым мы создаём миры. Я больше не хотел ничего создавать. Я хотел жить там, что уже сотворил. Я хотел вернуться к ней.

– Как тебе рыжий кот? – вдруг услышал я знакомый голос, за своей спиной.

Это была Мика.

– Какая прекрасная тварь. Признаться, я так и не понял, почему у председателя, такой странный выбор воплощений.

– Там, где у человека день, у кота неделя. Там, где год, у кота семь. Коты живут быстрее и ярче, поэтому он кот, всё очень просто, – ответила Мика.

– Тогда это всё объясняет, – ответил я и погладил свою планету.

Увидев этот жест, Мика спросила:

– И ты настолько любишь её, что готов бросить всё и остановится?

– Да, люблю, – ответил я, – Безумно люблю.

Мика подошла поближе и посмотрела мне в глаза.

– Ты уверен в этом? – спросила она тихо.

– Да. Помоги мне вернуться на свою планету. Вернутся к ней, – попросил я.

– И что ты будешь там делать? Работать с утра до вечера, платить ипотеку, воспитывать детей и путешествовать по континентам, которые создавал?

– Да, я хочу этого! Всё это вместе с ней! Мика! Мика… Прости меня. Прости, но это сильнее меня. Даже сильнее моего выбора.

Мика отошла в сторону и задумчиво посмотрела вниз. После чего вышла из моей кельи и закрыла за собой дверь.

…Над старым родовым поместьем вдруг поднялся сильный ветер. Серые тучи за мгновение как будто налились

свинцом и вихрем заходили вокруг башни со шпилем, в которую ударила молния. Резкая вспышка осветила ночное небо, после чего грянул сильный гром, распугавший стаю грачей.

Послесловие. «Искупление»

Навстречу Мике шёл Бирк.

– Там Пект ищет тебя, хочет с тобой о чём-то поговорить, – сказал он.

– Хорошо, – ответила она, смотря в сторону.

– Как он? – спросил Бирк, – Жаль, что так вышло, конечно. Я сильно рисковал. Очень сильный кандидат. Я давно не видел тебя такой расстроенной.

– Ничего переживу, – ответила Мика.

– Он у себя? Я хотел зайти к нему, поддержать, чтобы не унывал. Я думаю, ему стоит ещё раз попробовать. Мир получился отличный, – сказал Бирк.

– Нет его. И не скоро будет, – ответила Мика.

– Погоди, ты хочешь сказать, что он всё-таки… Ты… Ты не сказала ему?!

Мика сжала губы и зло посмотрела на Бирка.

– Вот это да! Ай да Мика! Вот она, коварная и настоящая Мика! – Бирк громко рассмеялся, смотря на неё с восхищением, – Всегда знал, что ты злодейка!

Вместо ответа, Мика плюнула ему под ноги, развернулась и ушла. Пройдя несколько шагов, она увидела Пекта.

– Мика! – обрадовался он, – Как я рад тебя видеть! Ох,

и застрял я там!

– Да, привет Пект.

– Слушай, какая шикарная серия у нас вышла! А какой кандидат! Как жаль, что он не смог сделать правильный выбор в конце, я очень рассчитывал на него. Но вы с Бирком, конечно, раскрылись по полной программе! А сколько интриг, и какие перевоплощения! Давно у нас не было таких ярких сессий! А как ты его ключом уделала, как же я смеялся!

– Да, пришлось, – сухо ответила Мика, – Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос.

– Всё что угодно, – сказал Пект, посмотрев на Мику с любопытством.

– Это Бирк попросил тебя не выходить из серии и все время быть в одной роли? – спросила она.

– Да, а что? Это был его план. Он с самого начала так задумал. Просил оставаться в образе, вплоть до третьего экзамена. Но я не думал, что всё так сложится. Мне казалось, что… – Пект странно посмотрел на Мику.

– Что? – спросила Мика и глаза её загорелись.

– Мне показалось, что между тобой и героем возникло что-то реальное, во второй части, может быть, настоящие чувства? Я не рассчитывал на победу, после того, как ему дадут осознание. Я был уверен, что испытуемый поступит иначе и сделает другой выбор между нами… Ну как бы между мной и тобой, ты понимаешь? – спросил Пект.

– Видимо Бирк смог залезть в его голову глубже, чем я предполагала. Он крепко вцепился в него, когда увидел, что я ему симпатизирую. В любом случае, уже ничего не изменить, – произнесла Мика.

– Кстати, а где сам Дориус? Хочу увидеть его. Что он сказал, после жизни? – поинтересовался Пект.

– Сказал, что любовь невозможно победить, – ответила Мика.

– О как, – удивился Пект, что-то заподозрив, – Ты не ответила на вопрос, где он?

– Он вернулся туда за тобой, – сказала Мика и глаза её вспыхнули.

Пект удивлённо посмотрел на неё.

– Ему что, никто не сказал? – тихо прошептал Пект, – И что он будет делать там… Один?

– Пусть переживет одну из твоих историй, – холодно ответила Мика.

– Мика, но ведь это… жестоко, – сказал Пект осторожно.

– Так вернись к нему! Вернись и расскажи, как здорово вы на пару с Бирком его одурачили! – крикнула Мика и ушла прочь.

Пройдя несколько шагов, она неожиданно уткнулась в председателя. Тот остановил её и, взяв за плечи, пристально посмотрел её в глаза.

– Скоро будет новый созыв, – тихо сказал он, – Ты как?

Мика молча и безотрывно, смотрела в ответ.

– Понятно, расстроена, – ответил он и приобнял её, – Я хочу тебе кое-что сказать. Кое-что важное.

– Мм?

– Тебя ждут за дверью, – сказал председатель.

– Ты серьезно? – спросила Мика.

– Да, – ответил председатель, – Они считают, что ты готова. Я могу открыть её для тебя, прямо сейчас.

– А что там? – спросила Мика.

– Ну, ты же знаешь правила. Я не могу тебе сказать прямо, – ответил председатель.

– Давай в трех вариантах, пусть один будет правильный, всё равно я узнаю об этом, – сказала Мика.

– Хорошо, – согласился он, – Вариант первый: Ты найдешь там свою проекцию, настоящую любовь, что когда-либо встречала по эту сторону двери и воссоединишься с ней воедино. Второй вариант: Полный контроль над временем, возможность изменять будущее, прошлое и влиять на настоящее. И, наконец, третий: Ты станешь новым председателем, сможешь сама создавать планеты, вселенные и даже целые галактики. Принимать новые проекты миров и внедрять их в систему, по своему усмотрению. Заманчиво?

– Очень, – ответила Мика.

– Значит, идём на повышение? – спросил председатель.

– Нет, я ещё не готова, – ответила Мика.

Председатель нахмурился.

– Мика, если не пойдешь ты, мне придётся отправить Бир-

ка. Это место вакантным долго оставаться не может. Там не ждут.

– Значит, пусть идёт он.

– Уверена? – спросил председатель, тяжело вздохнув.

– Да. Я буду ждать здесь.

Председатель несколько секунд смотрел на Мику, после чего поцеловал её в лоб и сказал:

– Я тебя понял. Ты всегда свободна в своём выборе. Знай, что я всегда готов тебе помочь, чтобы не случилось.

– Спасибо, – ответила Мика и обняла председателя.

***

…Где-то на маленькой и неизвестной планете шёл дождь. Он звонко тарабанил по старым, витринным окнам родового поместья, в котором горел камин. У камина сидел высокий и черноволосый мужчина средних лет. Он пристально смотрел на фотографию красивой девушки в траурной рамке, внизу которой была надпись с годами жизни. Рядом с девушкой стояла маленькая фотография с рыжим котом, глаза которого были разного цвета.

Мужчина встал, взял сухое полено и подбросил в огонь.

– Никогда себе не прошу, – сокрушался он, – Никогда. Дурак, какой же я дурак…

Вдруг он услышал, как кто-то сильно постучал в большую дубовую дверь поместья. Брюнет осторожно подошел к двери и спросил:

– Кто здесь?

Ответа не последовало. Открыв дверной замок, он увидел под ногами небольшую коробку. Вокруг никого не было. Взяв её в руки, он зашёл в дом и снова сев у камина, открыл её.

Ему на колени прыгнул маленький серый котёнок, с теплыми оранжевыми глазками.

– Муррр, – сказал котенок и принялся ластиться.

Мужчина нахмурился и, аккуратно подняв над своей головой незваного гостя, долго вглядывался ему в глаза, после чего вдруг заулыбался, словно ребёнок и прижал ласкового котёнка к своей груди.

– Прости меня, – шептал он, – Прости…

(В оформлении обложки использована художественная работа автора)